

Научная статья

УДК 821.161.1 + 82.0

DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-32-89

**«Ведь если верить Льву Толстому...»:
«Война и Мир» Д. Д. Минаева и М. С. Знаменского**

Алексей Евгеньевич Козлов

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия
alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Аннотация

Рассматривается один из вариантов «семантической жизни» сюжета романа Л. Н. Толстого «Война и мир» – стихотворная пародия Д. Д. Минаева, формально ориентированная на поэму М. Ю. Лермонтова «Бородино», и стихотворно-рисовальное попури М. С. Знаменского (сочиненное при участии В. С. Курочкина). Синхронно со своим появлением роман Толстого вызвал не только оценки и интерпретации в критике толстого журнала, но и стал объектом пародирования в сатирических еженедельниках. Прагматика пародий и иронических выпадов при этом объясняется желанием дискредитировать роман как продукт «Русского вестника», чья идеология и сюжет якобы были обусловлены консервативными взглядами М. Н. Каткова.

В приложениях приводится текст пародии Д. Д. Минаева с комментарием и пояснением и карикатурный цикл М. С. Знаменского, позволяющий составить представление об анекдотическом потенциале романа, ставшего в дальнейшем неотъемлемой частью русского литературного канона.

Ключевые слова

Толстой, Минаев, теория пародии, классика и беллетристика, вторичность и альтернативность, карнавализация, гротеск, травестия

Благодарности

Публикация подготовлена при поддержке гранта президента РФ (МК-841.2020.6 «Искра» (1859–1873) как энциклопедия русской жизни: издательские практики, сюжетные механизмы и жанровые модификации)

Для цитирования

Козлов А. Е. «Ведь если верить Льву Толстому...»: «Война и Мир» Д. Д. Минаева и М. С. Знаменского // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2. С. 32–89. DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-32-89

© Козлов А. Е., 2021

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2. С. 32–89

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2, pp. 32–89

**“War and Peace” as Dmitry Minaev’s
and Mikhail Znamensky’s Pastiche:
Cartoons and Parodies in the Satirical Weeklies**

Alexey E. Kozlov

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation
alexeykozlov54@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

Abstract

One of the variants of the “semantic life” of the plot of the novel by Leo Tolstoy’s “War and Peace” is a poetic parody of Dmitry Minaev formally focused on the poem “Borodino” by Mikhail Lermontov. Simultaneously with its appearance, Tolstoy’s novel aroused not only evaluations and interpretations in the criticism of the magazines, but also became the object of parody in satirical weeklies. The pragmatism of parodies and satirical attacks is explained by the desire to discredit the novel as a product of the “Russian Bulletin”, whose ideology and plot were allegedly due to the conservative views of Mikhail Katkov. The annexes to the article contain the text of a parody by Dmitry Minaev with commentary, as well as cartoons, allowing get an idea of the anecdotal potential of the novel, which later became an constant key text of the Russian literary canon.

Keywords

Tolstoy, Minaev, theory of parody, classics and fiction, secondary and alternativeness, carnivalization, grotesque, travesty

Acknowledgments

The research was supported by a grant from the President of the Russian Federation to support young scientists (MK-841.2020.6 “Iskra (1859–1873) as Encyclopedia of Russian Life: publishing practices, plot mechanisms, genre modifications”

For citation

Kozlov A. E. “War and Peace” as Dmitry Minaev’s and Mikhail Znamensky’s Pastiche: Cartoons and Parodies in the Satirical Weeklies. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 2, pp. 32–89. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-2-32-89

Трансформации сюжетов классической литературы в культурном пространстве далеко не всегда свидетельствуют об «эрозии» нормативного порядка и «усталости» памяти культуры [Дубин, 2010]. В самом процессе появления анекдотических, юмористических и абсурдистских вариаций на классические темы отражается живое читательское восприятие, зачастую не настроенное на принятие таких презумпций, которые создают вокруг произведения и его творца некоторый ореол. Пародии, фельетоны и стилизации, пародические пересказы в литературной критике [Ямпольский, 1964; Румянцева, 2007; Печерская, 2015], шаржи и карикатуры [Altick, 1997; Vasilenko, 2021] продолжают семантическую жизнь сюжета [Чумаков, 1999], «адсорбируя» и «катализируя» первые читательские оценки. Этот тезис мы проиллюстрируем, обратившись к стихотворной пародии Д. Д. Минаева «Война и мир: подражание Лермонтову и графу Льву Толстому» и литературно-рисовальному поурри М. С. Знаменского, составленному при участии В. С. Курочкина.

Пародия Минаева, действительно, метрически ориентированная на «Бородино», представляет собой во многом типичное для «Искры» явление. Постоянные сотрудники этого сатирического еженедельника: Н. С. и В. С. Курочкины, П. И. Вейнберг, В. П. Буренин и мн. др., обращаясь к традиционным и опознаваемым ритмам классической русской поэзии (лирика В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Фета, Н. А. Некрасова, гекзаметры «Илиады» и «Одиссеи», фольклорные стилизации), использовали форму произведения как средство литературной борьбы [Ямпольский, 1964; Целикова, 2007]. При этом индивидуально-авторские особенности, как правило, нивелировались, уступая место усредненной личности пародиста и стилизатора [Козлов, 2020]. «Искра», по справедливому замечанию Н. К. Михайловского, становилась «вывеской», объединяющей всех временных и постоянных сотрудников под единым «знаменем» (стиля, формы и идеологии).

Объектом нападок «Искры» становились не только эпизоды внутренней и внешней политики, но и прецедентные тексты, особенно «Отцы и дети» и «Дым» И. С. Тургенева, «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, проза Л. Н. Толстого. Дополнительное напряжение этим пародиям сообщали публицистические выступления писателей: миниатюра Тургенева «Довольно», «Несколько слов по поводу “Войны и мира”» Толстого, публицистика «Времени» и «Эпохи». Пародии и стилизации превращали эти тексты в события повседневности, давали возможность их фамильярного и неформального прочтения. Значимость плана выражения, а не плана содержания, моментальный, сиюминутный характер отзыва [Силантьев, 2006] определяли злободневность пародийных текстов.

В частности, пародии Д. Д. Минаева, опубликованные им под разными псевдонимами, компилировали идеологический материал, адаптированный для демократического читателя. Несмотря на то, что его пародии неоднократно переиздавались отдельными книгами, они не имели такого резонанса, как первые публикации на страницах «Искры».

Пародия на «Войну и мир» Л. Н. Толстого была подготовлена серией шаржей и карикатур, направленных на дискредитацию книги как продукта порицаемой и отрицаемой аристократической культуры.

Война и мир (иллюстрированные заметки)*

* Просим извинения у гр. Толстого. Подробный художественный разбор его, бесспорно, великого произведения за нами (Искра. 1868. № 16. С. 194).

Рис. I. Война как ее понимали в начале, и мир, как его понимают во второй половине XIX столетия, – предмет, вызывающий на размышления! Современный читатель бросается читать роман гр. Толстого, в надежде найти в нем ответ на роковые вопросы. Увы! Вместо ответа граф-художник дает читателю только картины, одне картины!

Рис. II. Самая мысль о создании эпопеи посетила автора на почтовой станции при рассмотрении им хорошо известной всем проежим картины. Ряд подобных картин под громким заглавием «Война и мир», в четырех частях, продается во всех книжных лавках за 7 рублей (безделица!). Торопитесь покупать! Цена, говорят, ввиду громадного спроса, учетверится!

Рис. III. Литературные источники и художественные оригиналы, послужившие автору материалами при создании эпопеи. Среди материалов: Английский Милорд Георг, Рославлев, или Русские в 1812 году

Рис. IV. Увы! Скромные оргии в отдельных комнатах Дюссо и Бореля дали автору только бледные копии с величественных оригиналов времен героических,
*Ипивавших ковшами
И сидевших вкруг огня
С красно-сизыми носами.*

Разделение мнений и оценок в отношении героев произведения отразило спор об идентичности, вспыхнувший с новой силой между представителями дворянской и разночинской культуры. Если первые преимущественно видели в романе «изящную отделку», «диораму русской жизни»¹ (П. В. Анненков), находя в героях «дедов и прадедов»² (Н. Д. Ахшарумов), то вторые предпочитали сравнивать стиль романа с рассказами «речистого офицера» (В. А. Зайцев), отмечая «изящную отделку изящных уродов» (Б. В. Берви-Флеровский). Сходным образом оценивал роман и обозреватель «Искры»:

Новый роман «Война и Мир» есть не что иное, как рассказ о двух сражениях – Аустерлицком и Бородинском. В антрактах между этими сражениями какие-то миленькие офицерики влюбляются в не менее миленьких барышень, а старики очень дурно говорят по-французски, а гр. Толстой в выносках переводит их слова на русский язык.

Полюбивши барышень и поболтавши по-французски, офицерики начинают сражаться с французами, но как прежде не умели осилить французского языка, так на сражении не умеют осилить французского воинства³.

Эти оценки Д. Д. Минаев умножает и популяризирует, доводя до абсурда стиль и характерологию исходного текста. Его пародия заключает в себе ряд содержательных особенностей. Во-первых, в небольшом и заведомо вторичном тек-

¹ «Что может сравниться со сладостным ощущением – оказаться потомством в отношении людей, живших 50–60 лет тому назад? Мы разумею – оказаться потомством не в смысле позднейшего рождения, а в смысле признанного и единственного решителя всех их споров. Какое наслаждение сознать себя внезапно этим потомством и получить неожиданно его права, как будто вся предварительная работа по определению и характеристике людей и событий уже кончена до нас; все документы для их классификации собраны и взвешены; недоразумения, наговоры, ошибочные воззрения оценены по достоинству; страсти, стремления и интересы нового времени, всегда судящего о ближайших своих предшественниках по собственным своим нуждам, устранены из оценки, и мы можем уже смело развивать одну черту в облике исторического деятеля, какую выберем, и одну подробность в историческом событии, какая встретится, не опасаясь извратить их понимание и представление у наших современников. С этим гордым ощущением нашего неожиданного производства в потомство ничего сравнить нельзя по его едко-приятному вкусу» (Анненков П. В. Исторические и эстетические вопросы в романе графа Л. Н. Толстого «Война и мир» // Вестник Европы. 1868. № 2. С. 785).

² «В заключение повторим, что автор нам оказал большую услугу. Он воскресил перед нами наших отцов и дедов. Мы видим их перед собою, в его рассказе, живых, молодых, полных здоровья и силы; видим их в обществе и у домашнего очага, в сельской тиши и в вихре столичной жизни, в мире и на войне; видим и всматриваемся с тем теплым чувством сыновней любви и сердечного любопытства, с каким мы впились бы глазами в случайно отысканный у кого-нибудь из родных портрет нашей матери или отца в полном цвете их молодого возраста. Мы никогда их не видали такими или не помним, по крайней мере. Мы их привыкли видеть в болезни и старости, страдающими, сморщенными, усталыми, схоронившими старых друзей и юношеские привязанности; но, мы думаем, не всегда же они были такими; были же и они когда-нибудь молоды и здоровы, влюблялись, шалили, кутили и пировали, сражались и философствовали. Было время, когда и они вступали в жизнь с развернутыми знаменами молодой надежды и при звуках победной музыки...» (Ахшарумов Н. 1805-й год, соч. Графа Льва Толстого // Всемирный труд. 1867. № 6. С. 136).

³ N. Война и мир, роман гр. Толстого // Искра. 1868. № 13. С. 45.

сте отражена непосредственная реакция первых читателей романа Толстого, открыто выражающих несогласие с художественной и идеологической организацией этого произведения. И. Г. Ямпольский, обратившись к этому материалу, справедливо писал о том, что пародия и карикатура «характеризуют не только осмеянное произведение, но в еще большей степени смеющегося над ним человека» [Ямпольский 1928, с. 67]. Во-вторых, обращаясь к «ключевому тексту», описывающему историю войны 1812-го года, поэме М. Ю. Лермонтова «Бородино», Минаев своеобразно меняет рецептивный след: теперь история «дедов и прадедов» локализована не в повествовании участника этих событий (дяди), а в художественном тексте, заведомо искажающем достоверность отдельных свидетельств («Ведь если верить Льву Толстому»). Этим объясняются основные приемы пародиста: обращение к метафорам театра (с ориентиром на народный площадной театр, раёк), детской комнаты (войска как игрушки), доведение до абсурда оригинальной историософской концепции Л. Н. Толстого, превращающейся в лубок. С лубочной техникой связана и серия шаржей, сопровождаемых сатирическими подписями М. С. Знаменского и В. С. Курочкина. «Художник выступает в них истолкователем наиболее уязвимых мест литературного произведения. Сатира направлена не на произведение, имеющее часто большие достоинства, но на те отрицательные тенденции, проявившиеся в романе <...> Карикатурный роман подчеркивал отрицательные черты героев, сопоставлял их действия с поступками современных общественных деятелей» [Тарасов, 1955, с. 18], – эти слова о шаржах А. М. Волкова⁴ полностью характеризуют и графический сериал «Искры». В отличие от Минаева, авторы попури используют еще более архаический ресурс – метрику и лексику героической поэмы XVIII в., ориентированную на стиль В. К. Тредиаковского и М. М. Хераскова, сатиры А. Д. Кантемира и басни И. А. Крылова. Отталкиваясь от точки зрения человека из народа (Тит – повар Кутузова, Рыжий Лаврушка), Знаменский отказывает их историям в поэтичности, произвольно меняя правила русской орфографии и пунктуации, нарушая логические и синтаксические связи, он демонстрирует безграмотность и наивность таких рассказчиков. Отсутствие завершения графического романа – и в печатном виде, и в архиве «Искры» – оставляет только догадываться о том, как могли бы быть в этом дискурсе реализованы фигура Платона Каратаева, сны Пьера, убийство Верещагина и т. п.

Пародия Минаева и шаржи Знаменского представляют собой квинтэссенцию выпадов «Искры», направленных против «Войны и мира» и «Русского вестника» как идеологической платформы, якобы связанной с этим романом [Ямпольский, 1928; Гусев, 1957; Соболев, 2007]. Сам Толстой интересовал своих оппонентов в меньшей степени: показательно, что в шаржах, изображающих писателя как завсегда питейных домов и почтовых станций, вдохновляющегося бульварным чтивом и исторической беллетристикой [Сорочан, 2013], его фигура лишена узнаваемых черт (рис. II и III).

Главным оппонентом становилась не личность писателя (в тот период нарочито редуцированная), а дискурс или та совокупность свойств, которая была названа

⁴ Наибольшую известность получили серии сатирических рисунков, написанных им по мотивам «Петербургских трущоб» В. В. Крестовского и «Отцов и детей» И. С. Тургенева. Замысел пародийного «Преступления и наказания» так и не был осуществлен.

В. Б. Шкловским [1928] «материалом» «Войны и мира». Именно Шкловскому принадлежит инициатива введения пародии и шаржей «Искры» в научный оборот; в дальнейшем они неоднократно публиковались и комментировались И. Г. Ямпольским. Данная статья, основанная на сделанных ранее наблюдениях, продолжает их, проясняя некоторые контексты, связанные как с романом, так и с историей его критики.

Ниже приводится текст с авторскими примечаниями (вынесены в постраничные сноски, пронумерованные римскими цифрами) и комментарий исследователя – за текстом.

*Приложение 1*⁵

Отставной майор Бурбонов
[Д. Д. Минаев]
Война и мир
Подражание Лермонтову («Бородино»)
*и графу Льву Толстому («Война и мир»)*ⁱ

– Скажи-ка, дядя, без утайки,
Как из Москвы французов шайки,
Одетых в женские фуфайки,
Вы гнали на ходу.
Ведь если верить Льву Толстому,
Переходя от тома к тому
Его романа, – никакому
Не подвергались мы погрому
В двенадцатом году.

Какой был дух в Наполеоне
И были ль мы при нем в загоне,
Нам показал, как на ладони,
В романе Лев Толстой.
Тогда славяне жили тихо,
Постилась каждая купчиха...
Но, чтоб крестьян пороли лихо,
Застенки были, Салтычихаⁱⁱ...
Все это слух пустой.

⁵ Искра, 1868, № 48, с. 213–215.

ⁱ Последний роман графа Л. Толстого привел меня к печальному соображению, что стихотворение Лермонтова «Бородино» не лишено больших погрешностей, почему я осмелился, так сказать, реставрировать сие стихотворение по сочинению «Война и мир», сочинению неоспоримо художественному и правдивому. Пусть мою смелость извинят только одною любовью к истине. – М. Б.

ⁱⁱ «Ужасы крепостного права того времени, которое я описываю, закладывание жен в стены, сечение взрослых сыновей, Салтычиха и т. п. – я не считаю верным и не желаю выразить...» (*Русский Архив*, № 5, стр. 516. Заметка графа Льва Толстого).

– Да, были люди в наши годы,
Не мелкой, нынешней породы:
В дни мира – гордые Немвроды,
Богатыри – в войне...
Ростов – звезда всей молодежи,
Андрей Болконский – диво тоже,
Безухой – член масонской ложи,
*Денисов, Долохов*ⁱⁱⁱ... О, Боже,
Их вспомнить любо мне!..

Нам Бонапарт грозил сурово,
А мы кутили образцово,
Влюблялись в барышень Ростова,
Сводили их с ума.
Безухой прочь прогнал супругу,
Послал картельный вызов другу
И, друга ранивши, с испугу
Едва совсем не спился с кругу...
Но вот пришла зима.

Войска французов шли в тумане,
Мы отступали... Ведь заранее,
Как говорится в алкоране,
Наш рок определен.
Бояться ль нам Наполеона?
Что значат званья, оборона?..
Лежит над миром, как попона,
Лишь «*власть стихийного закона*»^{iv}...
Так что Наполеон?
Но вот и войско Бонапарта:
«Посмотрим мы, какой в вас жар-то!..»
(Того сражения ланд-карта
В «Войне и Мире» есть...)
Безухой, главный член романа,
Явился в поле утром рано
И стал смотреть из шарабана^v:
Полна французами поляна
И всех врагов не счесть...

ⁱⁱⁱ Вероятно, всем читателям известны эти имена главных героев в сочинении «Война и Мир».

^{iv} Совершенно справедливо говорит граф Л. Толстой, что миром управляют не гении, не наука, но «*стихийный зоологический закон, что историею управляет закон предопределения*» (*Русский Архив*, № 5, стр. 523–528).

^v Прошу припомнить, что граф Безухий выехал на Бородинское поле, как на прогулку, с одной тросточкой и лорнетом.

Под ранним солнцем блещут ружья...
С *Безухим* не было оружия.
Подумал он: «и так ведь дюж я,
Неустршим, как слон»...
Пред ним, как пестрый ряд игрушек,
Мелькали в поле сотни пушек,
Палаток множество верхушек:
В одной палатке, средь подушек,
Лежал Наполеон.

Нетерпеливость обнаружа,
Он мыслил: «Русских угощу же!..
Лишь только б насморк не был хуже^{vi},
Я тотчас двину рать,
Мюрата с конницею ходкой,
И будет мне Москва находкой»...
И корсиканец этот кроткий
Себе всю спину жесткой щеткой
Велел вдруг растирать^{vii}.

Два дня мы были в перестрелке,
С врагом играли, как в горелки;
Стрелки шныряли, словно белки,
И прятались во рву.
Денисов так вошел в охоту:
«О, дайте мне одну лишь роту
И всю французскую пехоту
Я разобью сейчас с налёту,
На части перерву»^{viii} ...

Французский лагерь был в тревоге,
Что промочил в ненастье ноги,
Ступивши в лужу на дороге
Их «маленький капрал»...
У нас же в войске – смех и шутки,
Да раздавались прибаутки:
«Французы вымокли, как утки,
И Бонапарт раз двести в сутки
Чихать от страха стал!..»

^{vi} У Наполеона, говорит граф Л. Толстой, был насморк во время Бородинской битвы, и насморком объясняет его неудачу в этот день. Что ж? Сам Наполеон говаривал: «от великого до смешного – один шаг».

^{vii} См. «Война и Мир», том 4-й.

^{viii} Там же.

На третий день сошлись два стана.
Раздался грохот барабана...
Взглянуло солнце из тумана
На бородинский бой.
Безухой был в сраженье этом
Одет легко, как будто летом:
Вооружась одним лорнетом,
Он любовался, как балетом,
Военною стрельбой.

Средь пушек, касок, пик, фуражек,
Блестящих блях, стволов и пряжек:
«Вот так веселенький пейзажик!» –
Сказал *Безухой* Пьер.
«Стрелки французские не метки,
(*Шаспо* не знали наши предки),
Но все ж годятся для виньетки
В иллюстрированной газетке,
Хоть в “Искре”, например...»^{ix}.

Ну ж был денек!.. В дыму сраженья,
Конечно, общего движенья,
Победы или пораженья
Нам рассмотреть нет сил^x.
Война свирепа, как Медуза;
Ее описывать – обуза,
И здесь моя робеет муза...
Лишь видно было, как Француза
Безухой князь душил,

Как, распростертый у лафета,
Лежал солдат один, да где-то,
На возвышенья, у пикета,
Чихал Наполеон...
Как в бенефис к ногам актера
Летят букеты для фурора,
Летели ядра очень скоро,
Но все кричали вместо «фора»
«Ура!» со всех сторон.

^{ix} Если граф Л. Толстой (да и многие другие сочинители, как напр., автор «Смерти Грозного») не стесняется в своем сочинении анахронизмами, и то, что думал или делал Наполеон на острове св. Елены, заставляет его говорить и делать в двенадцатом году, то, следуя его примеру, и я не стесняюсь хронологией и героя Бородинской битвы заставляю упомянуть о журнале «Искра».

^x См. «Война и Мир», том IV.

Так бились, верно, только в Трое.
Но уцелели в русском строе
Романа славные герои,
Не смяли их враги.
Себя для «пятой части»^{xi} холя,
Они в Москву вернулись с поля,
Лишь только князя Анатоля
Постигла в битве злая доля:
Лишился он ноги.

Вот смерклось... Тел кровавых груду
Наполеон встречал повсюду
И проклинал свою простуду:
«Мой насморк ввел в беду!»
Горнисты громко затрубили
И – басурманы отступили...
Так, по сказанью новой были,
Мы неприятеля разбили
В двенадцатом году.

Да, были люди в наши годы!..
И будут помнить все народы,
Что от одной дурной погоды,
Ниспосланной судьбой,
Пал Бонапарт, не вставши снова,
И пал от насморка пустого...
Не будь романа Льва Толстого,
Мы не судили б так толково
Про Бородинский бой!

Комментарии

Строфа 1

Зачин пародийного текста, сохраняя тематическую канву лермонтовского оригинала, создает перекодировку на уровне стиля. Опираясь на многочисленные свидетельства о войне 1812-го года, Минаев вводит в свой текст непоэтическую подробность: неприятель комически снижен (*французов шайки, одетых в женские фуфайки*). Как отмечалось выше, история «дедов и прадедов» локализована не в повествовании участника этих событий (дяди), а в художественном тексте, заведомо искажающем достоверность отдельных свидетельств, следовательно, недостоверна.

^{xi} Кто из нас не ожидает теперь с нетерпением выхода V-й части «Война и Мир»?

Строфа 2

Здесь и далее цитируется статья Л. Н. Толстого «Несколько слов по поводу книги “Война и мир”», часто с искажениями смысла и преувеличениями. Показательно, что Минаев сопровождает свой текст цитатами из романа и публицистики Толстого, вырывая их из контекста и тем самым обесмысливая.

Не лишено интереса упоминание «тихой жизни славян». История Древней Руси неоднократно становилась объектом пародийного описания в «Искре», нападкам подвергались многочисленные ученые, отстаивающие ценность, самостоятельность и независимость этого исторического периода. С другой стороны, отец Минаева – Дмитрий Иванович был известен своим интересом к фольклору. В 1857 г., например, он издал книгу «Тысячелетие Руси в русских народных сказаниях».

Строфа 3

Перечисление действующих лиц, восходящее к форме «списка кораблей», регулярно использовалось в пародийных реестрах «Искры».

Знаменательным является упоминание ветхозаветного Немврода, бывшего «сильным звероловом пред Господом». Так подчеркивается физическая сила героев, представленная в ущерб их интеллектуальным способностям.

Строфа 4

Строфа завершает краткое описание основных событий первого и второго томов. Беглое перечисление эпизодов романа соответствует серии сатирических иллюстраций М. С. Знаменского (см. прилож. 2). Особую роль при этом играет пересказ, позволяющий нивелировать сюжетные подробности (например, в тексте Минаева не упоминается о встрече Безухова и Осипа Алексеевича Баздеева на почтовой станции). В ходе пересказа характер Безухова упрощается, редуцируясь до типажа денди (*картельный вызов другу* идиоматически связан с романом в стихах «Евгений Онегин»).

Строфа 5

Большинство критиков, признавая художественность романа, осуждали его анархистский пафос, связанный преимущественно с концепцией П.-Ж. Прудона: «Есть две стороны жизни в каждом человеке: жизнь личная, которая тем более свободна, чем отвлеченнее ее интересы, и жизнь стихийная, роевая, где человек неизбежно исполняет предписанные ему законы»⁶ [Эйхенбаум, 2009; Зорин, 2019]. Концепцию Толстого, наиболее рельефно представленную при описании войны 1812-го года, сравнивали с «восточным фатализмом» [Wachtel, 1994] (отсюда упоминание Корана).

Сам Толстой в романе спорит с «исторической точкой зрения», отрицая, что одна из множества причин могла стать ключевой и определяющей. «Ежели от воли Наполеона зависело дать или не дать Бородинское сражение, и от его воли зависело сделать такое или другое распоряжение, то очевидно, что насморк, имев-

⁶ Толстой Л. Н. Война и мир. Том третий // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 90 т. М.: ГИХЛ, 1940. Т. 11. С. 22.

ший влияние на проявление его воли, мог быть причиной спасения России и что поэтому тот камердинер, который забыл подать Наполеону 24-го числа непромокаемые сапоги, был спасителем России»⁷. В этой и последующих строфах Минаев переворачивает этот тезис, доводя его до абсурда.

Строфы 6, 7

Карта Бородинского сражения, представленная в романе, неоднократно становилась объектом критики участников войны 1812-го года и историков [Гусев, 1957, Зайденшнур, 1966].

Минаев обращает внимание на «странность» пародируемого текста и недостоверность точки зрения Пьера Безухова: «Толстой точно указывает литературную традицию присутствия Пьера – это Фабриций Стендаля, присутствующий на Ватерлоо и ничего не понимающий. Таким образом, мы видим здесь один из истоков приема Льва Николаевича, но то, что было факультативно у Стендаля, для Льва Николаевича Толстого легло в основу романного приема» [Шкловский, 1928, с. 204].

Строфа 8

Незначительная деталь выведена Минаевым на первый план: «Император Наполеон еще не выходил из своей спальни и оканчивал свой туалет. Он, пофыркивая и побряхтывая, поворачивался то толстой спиной, то обросшей жирной грудью под щетку, которую камердинер растирал его тело. Другой камердинер, придерживая пальцем склянку, брызгал одеколоном на выхоленное тело императора с таким выражением, которое говорило, что он один мог знать, сколько и куда надо брызнуть одеколону»⁸.

Строфа 9

Возвращение к лермонтовскому тексту с изменением исходной рифмы «перестрелке» / «безделке», создает эффект игры, театрального или народно-площадного представления.

Строфа 10

Портрет «маленького капрала» Наполеона, выполнен в духе «Ярмарки тшеславия» У. М. Текерея и «Войны и мира». Заведомо сниженный, он отличается гиперболизацией, разоблачающей и историческую личность, и способы ее изображения в тексте Толстого.

Строфа 11

Не исключено, что, обращаясь к «странностям» точки зрения героев Толстого, Минаев соотносит два эпизода романа – искаженное восприятие театра Наташей Ростовской и первые впечатления Бородинского боя, «доверенные» Пьеру Безухову.

⁷ Толстой Л. Н. Война и мир. Том третий. С. 201.

⁸ Там же. С. 210.

Строфа 12

С большой вероятностью перечисление существительных ориентировано на сходные перечислительные ряды в «Полтаве» (*Бой барабанный, клики, скрежет, Гром пушек, топот, ржанье, стон, И смерть, и ад со всех сторон*⁹) и «Евгении Онегине» А. С. Пушкина (...*будки, бабы, Мальчишки, лавки, фонари, дворцы, сады, монастыри, Бухарцы, сани, огороды, Купцы, лачужки, мужики, Бульвары, башни, казаки, Аптеки, магазины моды, Балконы, львы на воротах И стаи галок на крестах*¹⁰).

Словосочетание «веселенький пейзажик» используется Н. Г. Помяловским в романе «Молотов»: «У вас выйдет простенький роман с веселенькими пейзажиками вместо трагических событий»¹¹. Стало одним из слов-сигналов в субкультуре разночинцев [Зубков, 2018] и неоднократно заимствовалось Д. Д. Минаевым (см. пародию «Веселенькие пейзажики, или Похождения Бориса Райского»).

Строфа завершается намеком на серию карикатур В. С. Курочкина, синхронно публикуемых в «Искре» (см. прилож. 2). В комментарии Минаев сравнивает Толстого с его тезкой Алексеем Константиновичем, упрекая обоих в многочисленных анахронизмах.

Строфа 13

При описании сражения Минаев использует характерные для торжественной оды образы: *Медуза, муза*. Прозаизации войны у Толстого противопоставляется ее нормативное, т. е. одическое, описание.

Столкновение Пьера с французом, как и в «Севастопольских рассказах», демонстрирует сумасшествие войны: «“Я ли взят в плен или он взят в плен мною?” – думал каждый из них. Но, очевидно, французский офицер более склонился к мысли, что в плен взят он, потому что сильная рука Пьера, движимая невольным страхом, все крепче и крепче сжимала его горло. <...> Не думая более о том, кто кого взял в плен, француз побежал назад на батарею, а Пьер под гору, спотыкаясь на убитых и раненых, которые, казалось ему, ловят его за ноги»¹². Этот эпизод имеет значительный комический потенциал, реализованный в пародии.

Строфа 14

Как и в строфе 11, используется очевидное сравнение театра военных действий с театральным представлением. Заметим, что ранее эта метафора использовалась в обозрении «Искры», позволяя осмыслить сюжет романа как рассказ о двух сражениях» и «антракты» между ними.

Строфа 15

Очевидный выпад против П. В. Анненкова и Н. Н. Страхова, назвавших «Войну и мир» национальной «Илиадой».

⁹ Пушкин А. С. Полтава // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 5. С. 58.

¹⁰ Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 6. С. 155.

¹¹ Помяловский Н. Г. Избранное. М., 1980. С. 67.

¹² Толстой Л. Н. Война и мир. С. 262.

Строфа 16

Так пересказываются одни из наиболее патетических страниц «Войны и мира», тематически связанные с «Севастопольскими рассказами»: «Измученным, без пищи и без отдыха, людям той и другой стороны начинало одинаково приходиться сомнение о том, следует ли им еще истреблять друг друга, и на всех лицах было заметно колебание, и в каждой душе одинаково поднимался вопрос: “Зачем, для кого мне убивать и быть убитому? Убивайте, кого хотите, делайте, что хотите, а я не хочу больше!” Мысль эта к вечеру одинаково созрела в душе каждого. Всякую минуту могли все эти люди ужаснуться того, что они делали, бросить все и побежать куда попало»¹³.

Отступление «басурманов», воспроизводящее идиостиль рассказчика в «Бородино» Лермонтова, завершает пересказ «новой были», написанной Толстым.

Строфа 17

Стихотворение заканчивается пародийным обобщением, в котором концепция Толстого нарочито искажена. Воспроизводя кольцевую композицию, отражающую логическую структуру поэмы Лермонтова, Минаев приводит читателя к общему выводу – подлинная история нивелирована художественным текстом.

Приложение 2¹⁴

Профессор М. Знаменский
[М. С. Знаменский, В. С. Курочкин]
Война и мир
Литературно-рисовальное поурри
Составлено из сочинений разных авторов:
гр. Толстого, Гомера, Хераскова, Овидия и пр.

Что за штиль! Как он описывает мило! и что за душа!! О себе ничего, ничего! О каком-то Денисове, а сам, верно, храбрее их всех.

(Гр. Толстой – «Война и мир». Ч. 2, стр. 56)

О муза, ведуща и доброе, и злое!
Изобрази ты мне кумиров царство тое.

(Россияда, ст. 134)

Детки меня окружили: – Дядюшка милый, сказочку нам про скандал расскажи ты.

– Вижу, ребятки, до сказок вы больно охочи, и вам расскажу я про мир, про войну, про бывалые годы; но прежде, чтоб русскую сказку понять, французский диалект вам знать надлежало б.

¹³ Толстой Л. Н. Война и мир. С. 280.

¹⁴ Искра. 1869. № 2–18.

Послушались детки, грамматику сели долбить.

Теперь, милые детки, когда языком овладели вы...

— Сказку расскажешь нам?

Нет, Алкоран изучить постарайтесь.

Умные детки меня не спросили: «Зачем Алкоран?». А сели учиться. Деткам зачем? Почему? — знать не надо. Вам же скажу я, читатель; Алкоран нужно знать, чтоб дух сказки понятен казался.

Искра. 1869. № 2. С. 20

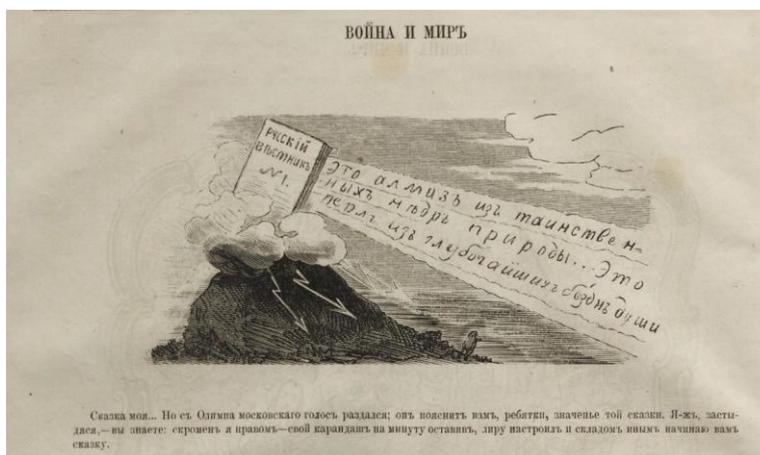
Iskra, 1869, no. 2, p. 20

Вот посмотрите картинку: сотни фигур в ней найдутся, и в тесную рамку все это втиснул волшебник; об этом вы в Русском Вестнике, в книжке зеленой, Щербальского читите.

Искра. 1869. № 2. С. 21
Iskra, 1869, no. 2, p. 21

Сказка моя... Но с Олимпа московского голос раздастся; он пояснит вам, ребята, значенье той сказки. Я ж, застыдяся, – вы знаете: скромн я нравом – свой карандаш на минуту оставив, лиру настроил и складом иным начинаю вам сказку.

Искра. 1869. № 2. С. 22
Iskra, 1869, no. 2, p. 22

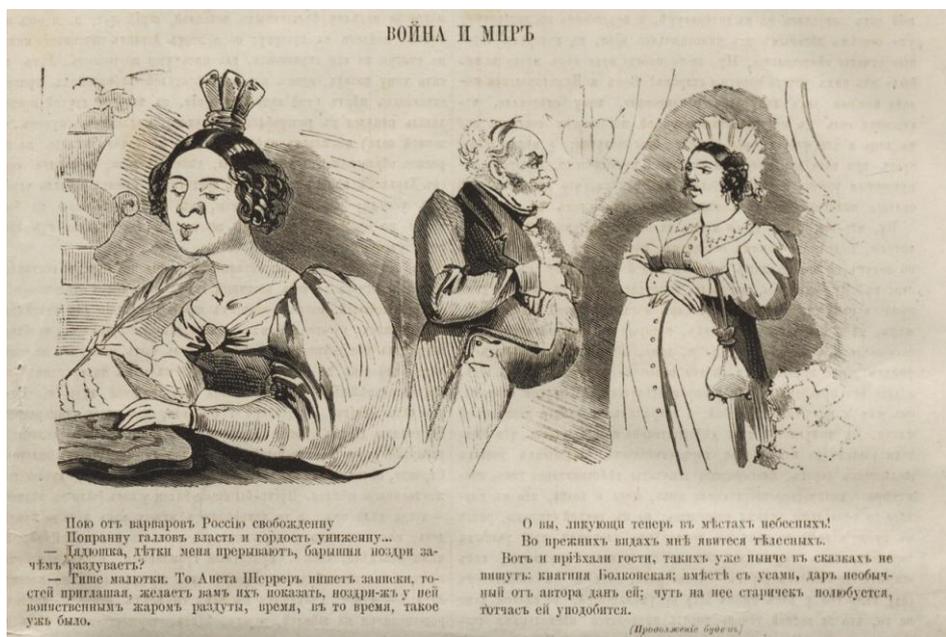
*Пою от варваров Россию свободенну
Попранну галлов власть и гордость униженну...*

– Дядюшка, – детки меня прерывают, – барышня ноздри зачем раздувает?

– Тише, малютки. То Анета Шерер пишет записки, гостей приглашая, желает вам их показать, ноздри ж у ней воинственным жаром раздуты, время в то время такое уж было.

*О вы, ликующи теперь в местах небесных!
Во прежних видах мне явитесь телесных.*

Вот и приехали гости, таких уже нынче в сказках не пишут: княгиня Болконская; вместе с усам дар необычный от автора дан ей; чуть на нее старичок полюбуется, тотчас ей уподобится.

Искра. 1869. № 2. С. 23
Iskra 1869, no. 2, p. 23

*Сияют пред очами
Герои, светлыми увенчаны лучами*

Князь то Василий. Лысина блеск издавала его – ароматами пахло далеко. Но опытный глаз поражался отсутствием шишки на ней.

Родительской шишки князя лишивши, княгине Друбецкой природа вlepила ее, уподобив княгиню цыганке, сладких кусочков для деток просящей.

*О благе собственном вельможы где рачат,
Там пользы общице законы замолчат.*

Сюжет в литературе и фольклоре

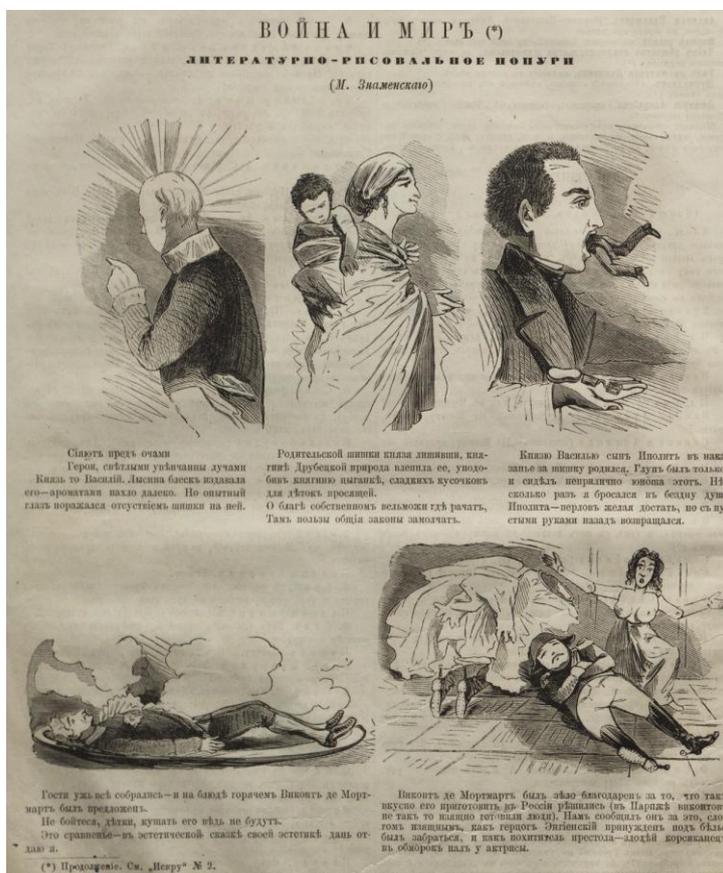
Князю Василью сын Ипполит в наказание за шишку родился. Глуп был только, и сидел неприлично юноша этот. Несколько раз я бросался в бездну души Ипполита – перлов желая достать, но с пустыми руками назад возвращался.

Гости уже все собрались – и на блюде горячем виконт де Мортмарт был предложен.

Не бойтесь, детки, кушать его ведь не будут.

Это сравненье – в эстетической сказке своей эстетике дань отдаю я.

Виконт да Мортмарт был зело благодарен за то, что так вкусно его приготовить в России решились (в Париже виконтов не так-то изящно готовили люди). Нам сообщил он за это слогом изящным, как герцог Энгиенский принужден под белье был забраться, и как похититель престола – злодей корсиканец в обморок пал у актрисы.

Искра. 1869. № 3. С. 38.
Iskra, 1869, no. 3, p. 38

То слово Пьер Безухий подхватил,
И взоры на себя гостей всех обратил,
И будто в пепле огонь, скрывая в сердце гнев,
Пьер с места встал, как некий ярый лев;
Власы вздымались, очки его блистали,
Его намеренье без слов в лице читали,
К виконту взор свирепый обратив,
Вещал; ты знатен, князь, но ты несправедлив!
NB: Пьер под ферулой аббата проникся насквозь либеральным ученьем.

Один только умный и был там – Андрей, князь Болконский. Умные люди в то время на глупых смотрели с гримасой – глаза закрывая, как будто сказать собирались: – Mon Dieu! Что за глупость кругом нас творится. Однако ж Безухому дал позволение приехать к себе он на ужин.

У князя Андрея воинственных книг начитавшись, либерал Пьер Безухий войну признает средством добиться свободы. Поэтому «вы» говорит он Андрею.

Князь же Андрей, о царств равновесии заботясь и Польшу воздвигнуть войною готовясь – на посылки к Кутузову ехать намерен. Поэтому Пьеру он «ты» говорит.

PS. Причины иной к сим отношениям не мог отыскать я, сколько ни рылся в архивах.

Вдруг видят плачущу супругу, к ним входящу,
Во чреве первенца, залог любви держащу,
И токи слезные струящую, но вдруг
Скрепилась и рекла: ты едешь, мой супруг,
Ты жизнь свою ценой великою не ставишь;
Но вспомни, что меня во сиротстве оставишь!

Слова сии сердец уже непеременили,
Но вящим жаром их к войне воспламенили.

О! Зачем же природа шулки иной, кроме бабы, состряпать не может – чтоб род наш людской распложался? – в горести князь вопрошает. Но решить этой штуки Пьер не возмог.

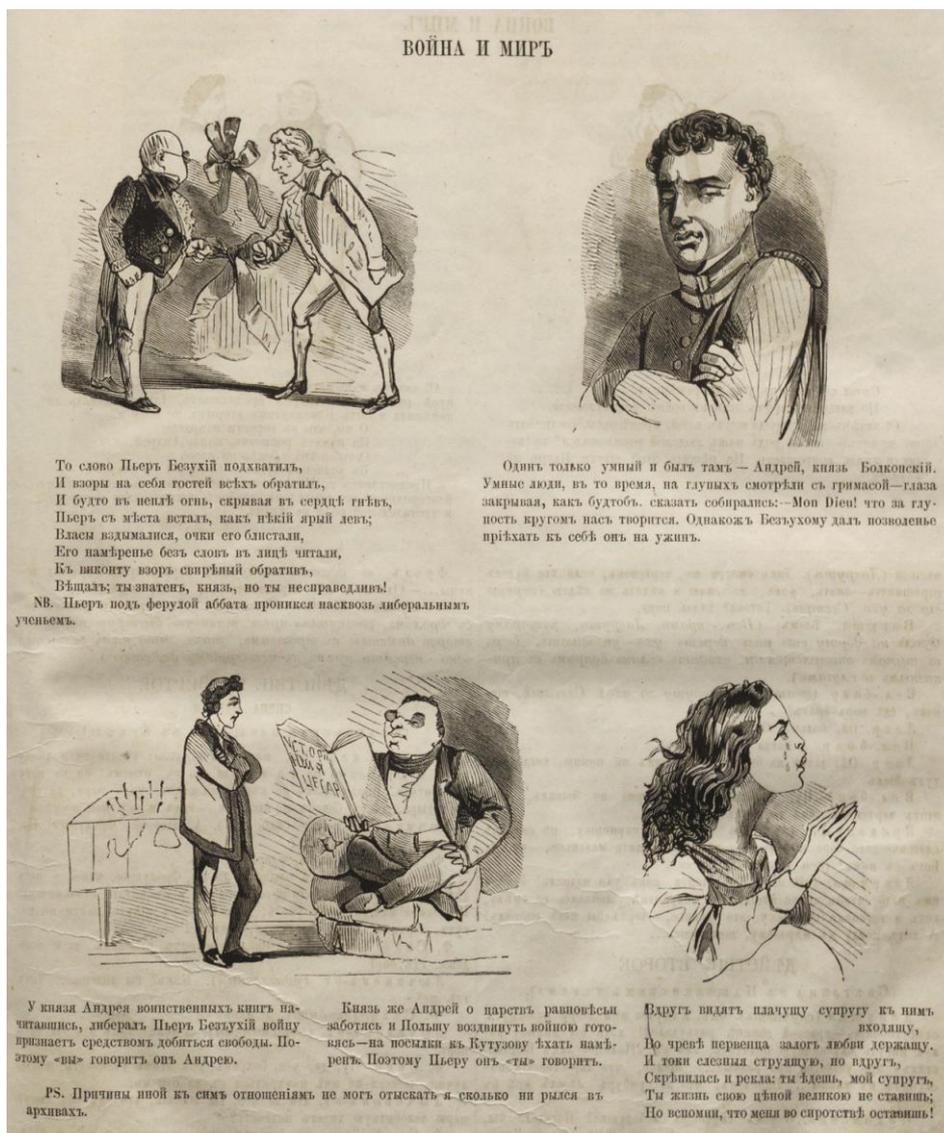
О! зачем я в пять лет позабыл, что зубрили мы в корпусе, – руки ломая, Андрей продолжает, – глупая память мне изменила, и быть Бонапартом вторым не могу я?

О ты, что в горести напрасно
На память ропщешь, князь Андрей.

О ты! о ты! – и более ни слова

В волнение чувств Безухий не сказал.

Предоставив г. П. Аненкову поговорить впоследствии о благородном его характере, глубине психического настроения и трогательной роли в жизни.

Искра. 1869. № 3. С. 39.
Iskra, 1869, no. 3, p. 39

Искра. 1869. № 3. С. 40
Iskra, 1869, no. 3, p. 40

Если б судьба не решила – квартальному плыть на медведе по речке Фонтанке – многое б было на свете иначе.

И Долохов храбрый, скользя по окошку, рому так много хлебнуть не успел бы.

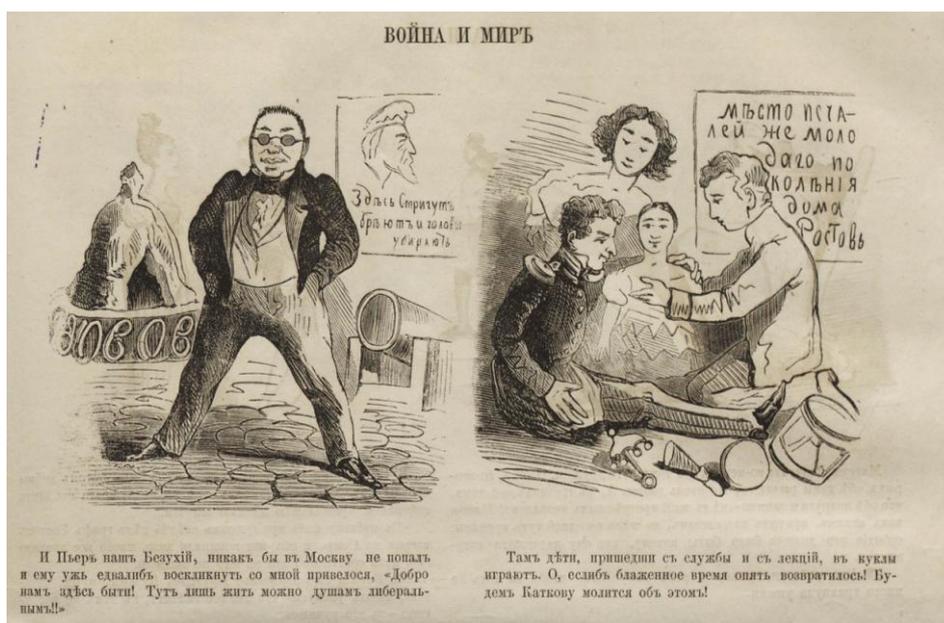

Искра. 1869. № 4. С. 50
Iskra, 1869, no. 4, p. 50

Сюжет в литературе и фольклоре

Пьер наш Безухий никак бы в Москву не попал, и ему уж едва ли б воскликнуть со мной привелось: «Добро нам здесь быть! Тут лишь жить можно душам либеральным!!»

Там дети, пришедши со службы и с лекций, в куклы играют. О, если б блаженное время опять возвратилось! Будем Каткову молиться об этом!

Искра. 1869. № 4. С. 51
Iskra, 1869, no. 4, p. 51

Матери плачут: во-первых, о том, что дружны. О том, во-вторых, обе дамы рыдают, что очень добры. А в-третьих, – о том, что обе подруги и заняты – чем же?! Презренным металлом! Много, как видим, причин их слезам, но не ни одной тут причины; событие это должно было быть, потому что ему надлежало свершиться.

NB. Это, ребятки, туману я вам напустил, чтоб вы хоть немного трянули ушами.

Пока же матери так плачут, юноша сын, богом войны побуждаем, к черту послал все науки и, врага победить собираясь, прощальной песнью залился.

«В приятну ночь при лунном свете» пел граф Ростов, взирая на Соню, и оба они понимали, как много все значило это, хоть собственно это ничего не значило.

NB. Вот и еще изреченье Прутковва Кузьмы, ну-ко, читатель, изволь раскуси – что это все значит, в век не раскусишь – за это ручаюсь.

С графом Ростовым еще познакомить позвольте: вот он сидит молодецки, расставивши ноги и руки уперши в колена. По мнению автора, поза сия означает, что любит пожить граф Ростов, да к тому ж и умеет.

Искра. 1869. № 4. С. 52

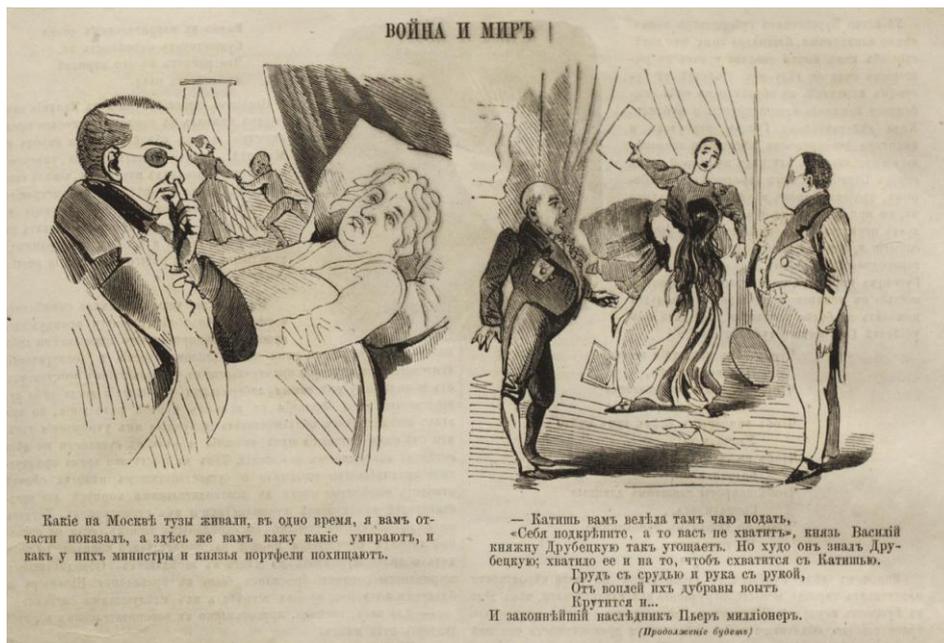
Iskra, 1869, no. 4, p. 52

Какие на Москве тузы живали в одно время, я вам отчасти показал, а здесь же вам кажу, какие умирают, и как у них министры и князья портфели похищают.

Сюжет в литературе и фольклоре

– Катишь вам велела там чаю подать,
«Себя подкрепите, а то вас не хватит», – князь Василий княжну Друбецкую так угощает. Но худо он знал Друбецкую; хватило ее и на то, чтоб схватиться с Катишью.

Грудь с грудью и рука с рукой,
От воплей их дубравы воют
Крутится и...
И законнейший наследник Пьер миллионер.

Искра. 1869. № 4. С. 53
Iskra, 1869, no. 4, p. 53

Покончив с Москвою на время, хочу повести вас в деревню. Не бойтесь, настолько эстетика знаю, что чувство изящного я не нарушу – не патриот я, избышек мужицких показывать вам не намерен. Герои мои покрупнее.

PS. Разве уж выйдет случай такой, что барские ручки работы запросят насчет зуботычин – ну тогда и крестьяне на сцену!

В деревне жил старец Болконский. Из опыта жизни он правильно вынес, что лень есть мать всех пороков. И гонит он праздность, точа табакерки, записки свои сочиняя и алгебре дочь обучая.

Вот в эту-то школу труда и порядка сдал князь Андрей супругу с усами.

А сам, получив наставленья: недолго ходить в адъютантах (так как по словам гр. Толстого скверная должность), поехал служить адъютантом.

Итак, он поехал, оставив во гневе отца, супругу в слезах, сестру за уроком.

Искра. 1869. № 5. С. 62
Iskra, 1869, no. 5, p. 62

Война. Рисунок для альбомов войнолюбивых читательниц.

Штурм

При этом легло много храбрых

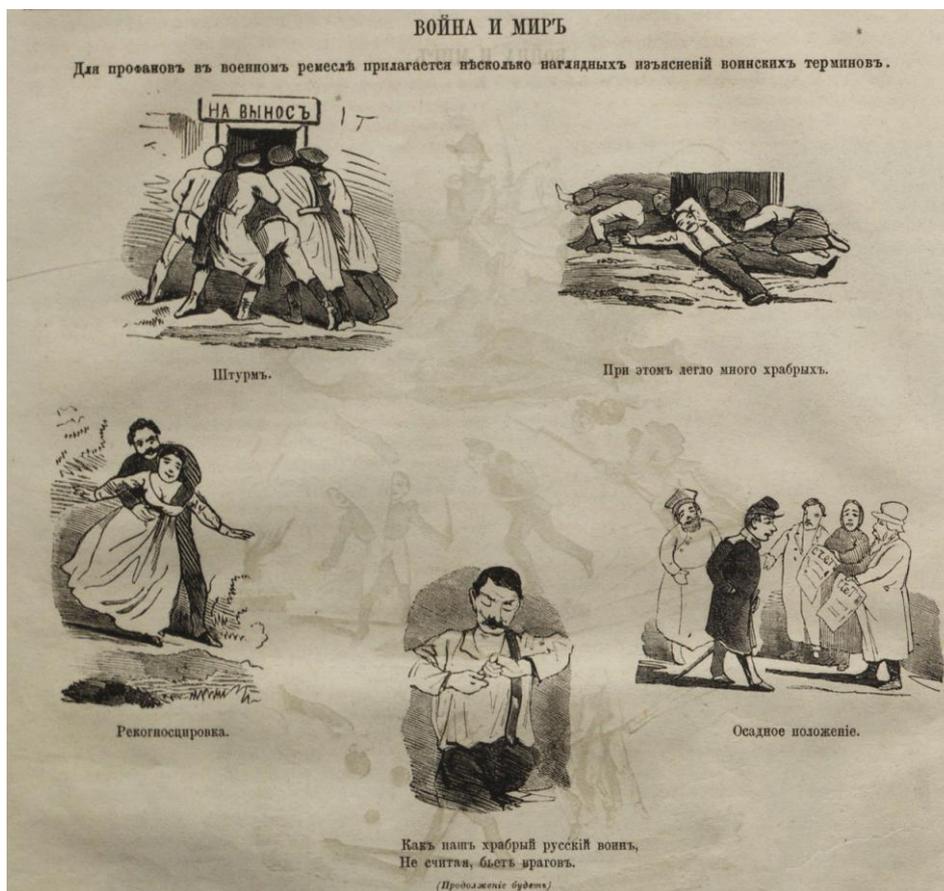
Рекогносцировка

Как наш храбрый русский воин,
Не считая, бьет врагов

Осадное положение

Искра. 1869. № 5. С. 63
Iskra, 1869, no. 5, p. 63

Искра. 1869. № 5. С. 64
Iskra, 1869, no. 5, p. 64

Из Польши

Князь Андрей догнал Кутузова, и Кутузов, как свидетельствует гр. Толстой, считает себя счастливым, имея под рукой такого подчиненного.

Из Вены

Подробности письмом.

Из Эрцгерцогства Австрийского.

С Долохова приказано снять шинель цвета фабричного сукна.
11 октября, 1805 г.

Оттуда же.

От того же числа. Долохов сделал на караул и говорил с Кутузовым.

Сюжет в литературе и фольклоре

Близ Брауна

6-го октября. Граф Ростов отыскал украденные у Васьки Денисова деньги и уличил Телянина.

25-го октября при р. Эмс.

У моста, не смотря под ноги, попал в вязку. Растоптанную грязь и, споткнувшись, упал на руки.

Пал, и взгремели на павшем доспехи!

Князь Андрей скачет курьером к императору Францу.

По словам гр. Толстого, император Франц, увидев князя Андрея, смешался, не знал что сказать и покраснел.

Возвращаясь обратно, князь Андрей спасает жену лекаря 7-го егерского... от пьяных.

И, вспоминая с содроганием свое заступничество, Князь Андрей решает, что это толпа мерзавцев.

Граф Ростов ранен; подробности письмом.

Он как в облако луна, был в горесть погружен,
И пролил токи слез... Тоска его мне бремя;
О муза! Пресечем печальну песнь на время

Херасков

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Верьте мне, дети, – добродетель в сем мире всегда получает награду. Примером вам может Безухий служить: денег теперь у него нет и счету. Да сверх того шарф преотличный Катишь ему вяжет.

Безухого чувства, когда он Наташу Ростову увидел, роли свои позабыли; так что глазами пришлось ему слушать¹. Что ж, посудите, с Пьером случилось – как голую спину Елена – дочь лысого князя Василья к носу ему поднесла! В вос-торге он *слышит* тепло ее тела, запах духов *осязает*, скрипенье корсета ее *обо-няет*.

Так что папаше с мамашей столкнуть их осталось только: целуйтесь и празд-нуйте свадьбу.

¹ Пьер довольный тем, что *видел, как она говорит* (См. Война и Мир).

Искра. 1869. № 6. С. 76
Iskra, 1869, no. 6, p. 76

Искра. 1869. № 6. С. 76
Iskra, 1869, no. 6, p. 77

Покончивши с дочерью – сына женить возжелал князь Василий, и к старцу Болконскому едут за дочкой; но умный старик понимает прекрасно, что праздность пороки родит: а выдавши дочку – что делать он будет? Кого обучать? Мигом смекнувши все это, дорогу велит он забрасывать снегом.

Но и лысый Василий не трус; по сугробам он храбро пробрался.

Влюбилась в юного князя Мария княжна, и умер бы в праздности старец. Но... Сей князь, развратный князь, любовникⁱⁱ малодушный, Не свету разумаⁱⁱⁱ, но слабостям послушный И нежности одни имеющ во уме С мамзель Бурьен лобзается во тьме.

ⁱⁱ Херасков здесь хочет сказать, что состояние Анатоля порасстроено и душ он имеет мало.

ⁱⁱⁱ Здесь г. Херасков намекает на светящуюся голову его отца. Голова – вместилище разума.

Искра. 1869. № 7. С. 86
Iskra, 1869, no. 7, p. 86

За этим по гладкой дороге – с носом отличным тронулись гости домой.
Из этого ясно, что в мире сем также
Наказан быть может порок.

Но, муза, целью доселе ты брала
Раздоры, хитрости и нежные дела;
Теперь является кровавое мне поле.
Потщися устремить вниманья к песням боле.

Если воитель храбрый, слушая толки о деле военном, в совете заснул, то что же нам делать!! Как одолеть нам – девять десятков воинских страниц!?!?

Сделаем вот что: чаем густейшим стаканов штук двадцать до краю наливши, выпьемте зараз. Один мой приятель, собираясь в уланы, науку рекрутскую так одолел.

Нет, и чай оказался бессильным дремоту мою превозмочь. Я удалюся на время, пусть лучше Тит, мой приятель, своим слогом про битву расскажет.

Смело рассказывай, Тит – ни в чем не стесняйся – и *думы, и мысли* в героев *влагай, какие тебе лишь угодно*; лиц ведь таких *не бывало* на свете, я их измыслил. Действительно, если б Болконский, Друбецкой и проч. жили на свете, – ну, тогда дело другое; пожалуй, припишешь, что и во сне им не снилось.

АУСТЕРЛИЦКАЯ БАТАЛИЯ РАССКАЗ ТИТА (КУТУЗОВСКОГО ПОВАРА), БЫВШЕГО ОЧЕВИДЦЕМ ОНОЙ БИТВЫ

Вот, братцы мои, допрежь всего смотр был, потом генерал марш!

С вечера энералы рассуждали. Немецкий энерал Воротин такого тумана наворотил, что утром пошли мы, да на француза и наткнулись. Ах! Ох! Ну да что поделаешь, шабаш, значит.

Старик видит – плохо дело, сичас к князю Болконскому – выручай, братец. – Изволь, я, говорит, хочу, чтобы меня все люди любили «и Тит чтобы любил». И сичас это знамя подхватил, урра! Только бац, поранили, значит, его... растянулся, а потом и в полон взяли.

А рыжий артиллерист стоит и банник французу не дает – самим, дескать, надо... Ну однако ж его прикололи.

А когда, значит, Болконского князя в полон взяли, то Наполеон это эхний заговаривает с ним, а он молчит себе. «Ты, дескать, после того, как мне небо показалось с овчинку, ты, братец мой, для меня просто мразь, – одно, значит, ничтожество».

Но и лисий Василий не трусь; по сутробамь онъ храбро пробрася.

Влюблася въ юнаго князя Марія княжна и умеръ бы въ праздности старецъ. Но...

Сей князь, разпутный князь, любовникъ (*) малодушный
Не свѣту разума (**), но слабостямъ послушный
И пѣзности одиѣ имѣющъ во умѣ
Съ мамзель Бурьень лобзается во тѣмѣ.

За зпимъ по гладкой дорогѣ — съ носомъ отличнымъ тронулися гости домой.

Изъ этого дено, что въ мирѣ семь также
Наказанъ быть можетъ пороку.

Но, муза, цѣлю доселѣ ты брала
Раздоръ, хитрости и пѣзния дѣла;
Теперь является кровавое мнѣ поле.
Потщися устремить вниманья къ пѣснямъ боги.

Если воитель храбрый, слушая толки о дѣлѣ военномъ, въ совѣтѣ заснуль, то что же намъ дѣлать! какъ одолѣть намъ — девять десятковъ воинскихъ страницъ!?!?

Сдѣлаемъ вотъ что: чашекъ густѣйшимъ, стаканомъ штукъ двадцать до края наполни, выньте заразъ. Одинъ мой прятель, собрался въ уланъ, науку репутскую такъ одолѣлъ.
Нѣтъ, и чай оказался безсильнымъ дремому моему превосмомъ. Я удался на время, пусть лучше Титъ, мой прятель, своимъ слогомъ про битву расскажетъ.

Свѣтло рассказывай, Титъ — ни съ чѣмъ не стѣсняйся — и думи и мысли въ герою елавай, какія тебѣ лишь угодно; лишь вѣдь тавакъ не обывало на свѣтѣ, я ихъ измыслилъ. Дѣйствительно, еслибъ Болконскій, Друбецкій и проч. жили на свѣтѣ, — ну, тогда дѣло другое; пожалуй, приищешь, что и во свѣтѣ нѣтъ не силоса.
(Продолженіе будетъ)

(*) Херасковъ здѣсь хочетъ сказать, что состояніе Анатоля поразстроено и душѣ онъ имѣеть мало.
(**) Здѣсь г. Херасковъ намекаетъ на свѣтлующую голову его отца. Голова — вѣстияще разума.

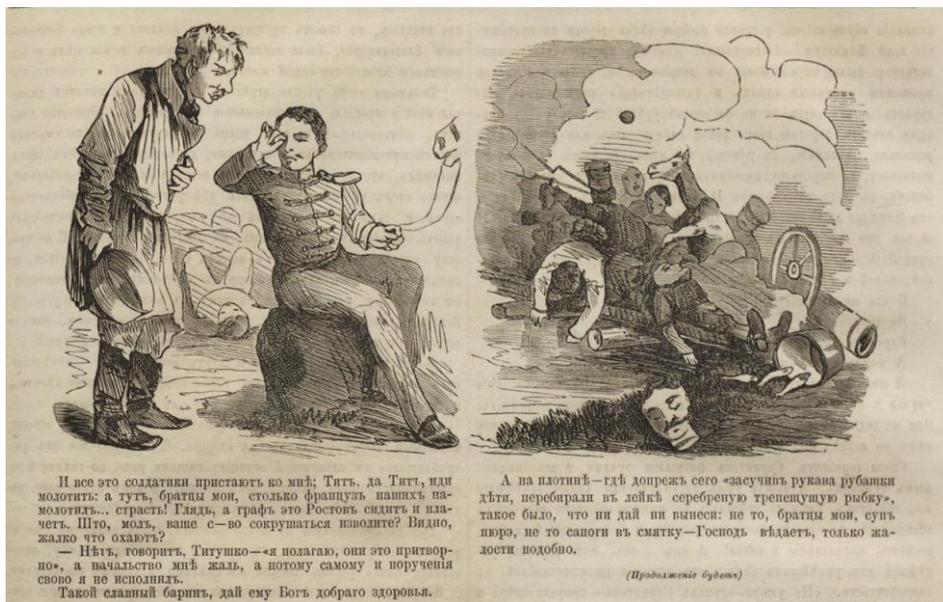

И все эти солдатики пристаю ко мне; Тит да Тит, иди молотить: а тут, братцы мои, столько француз наших намолотил... страсть! Глядь, а граф это Ростов сидит и плачет. Што, мл, ваше с-во сокрушаться изволите? Видно, жалко что охают?

– Нет, говорит, Титушко – «я полагаю, они это притворно», а начальство мне жаль, а потому самому и поручения свою я не исполнил.

Такой славный барин, дай ему Бог доброго здоровья.

А на плотине – где допрежь сего «засучив рукава рубашки, дети перебирали в лейке серебряную трепещущую рыбку», такое было, что ни дай ни вынеси: не то, братцы мои, суп пюре, не то сапоги всмятку – Господь ведает, только жалости подобно.

Искра. 1869. № 8. С. 99
Iskra, 1869, no. 8, p. 99

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ЧУВСТВА, ЧУВСТВИЯ И ЧУВСТВИЦА НАШИХ БАБУШЕК И ДЕДУШЕК, ПРОПУЩЕННЫЕ СКВОЗЬ ГОРНИЛО ВДОХНОВЕНИЯ

Встревожился Питер, и мчится Уваров узнать, что такое случилось. Бедные кони! Будь бы в то время Катков знаменитый, гонки такой вам не было бы, верно.

Храбрый Денисов туда же стремится, путь усыпая порожней посудой.

Летит и Ростов, ваш милейший душка-гусарчик!!

Путь держит туда же и Пьер, граф счастливый, с другом своим, с таковым же супруги прекрасной...

Счастливый, сказал я, но в сем мире порочном счастье куды как непрочно! Взгляните: Безухий в Английском клубе, сидя за обедом, власы по приказу жены отпустивший, в носу ковыряет. Что ж с ним случилось? И сам он не знал бы, но вдруг он увидел в том месте, где Долохов кушал, медведя с квартальным^{iv}, и тотчас решил, что виновность жены решена несомненно.

^{iv} Неправду ли я говорю, уверяя, что если б судьба не решила квартальному плыть на медведе, многое б было на свете иначе.

Искра. 1869. № 9. С. 110
Iskra, 1869, no. 9, p. 110

Долохов пулей был хвачен.

– Элен от доски убежала.
(Проклятый медведь, каких бед он наделал).

Искра. 1869. № 9. С. 111

Iskra, 1869, no. 9, p. 111

За этим тетрадь себе сшил он – и почерком чистым вывел на первой странице: Дым, сочинение князя... Но рано казалось судьбе наградить нас подобным твореньем, и к князю Андрею помехой Пьера втолкнула судьба.

Покончив с супругой и другом, в Питер Безухий поехал. Страшный сумбур в голове его плелся:

«Все вокруг него представлялось ему запутанным, бессмысленным и отвратительным».

И если бы с мыслями теми до Питера так он добрался, наверно б роман вроде «Дым» сочинил. Но рано казалось судьбе наградить нас подобным твореньем.

И судьба лошадей всех со станции угнала, к Безухому ж старца послала мрак его мыслей развеять и лучшую цель указать.

К цели и к истине, в Питер, Пьер так ведется.

Из этой картинки нам можно заметить, что к истине путь безопасен лишь тем, кто шутами наряжен.

Получивши от братства лопату, чтоб сердце свое ей очистить, едет в имение Пьер вольную дать всем крестьянам.

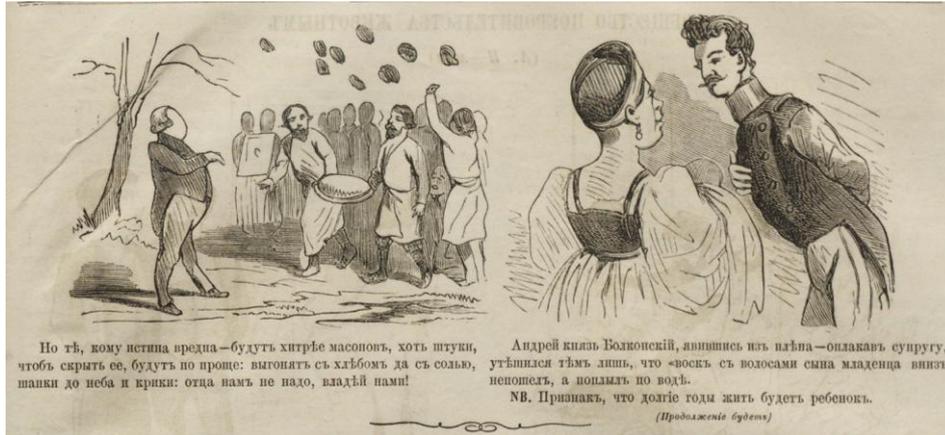

Искра. 1869. № 10. С. 120
Iskra, 1869, no. 10, p. 120

Но те, кому истина вредна – будут хитрее масонов, хоть штуки, чтобы скрыть ее, будут попроще: выгонять с хлебом да с солью, шапки до неба и крики: отца нам не надо, владей нами!

Андрей, князь Болконский, явившись из плена – оплакав супругу, утешился тем лишь, что «воск с волосами сына младенца вниз не пошел, а поплыл по воде».

NB. Признак, что долгие годы жить будет ребенок.

Искра. 1869. № 10. С. 121

Iskra, 1869, no. 10, p. 121

(окончание третьей части)

Андрей ему лекцию тотчас прочел, доказавши по пальцам:

Что нужен, во-первых, труд мужику, иначе он и помрет от безделья.

Лечить же их вовсе не нужно – пускай умирают калеки.

А главное, в-третьих, жить для себя – вот моя мудрость!

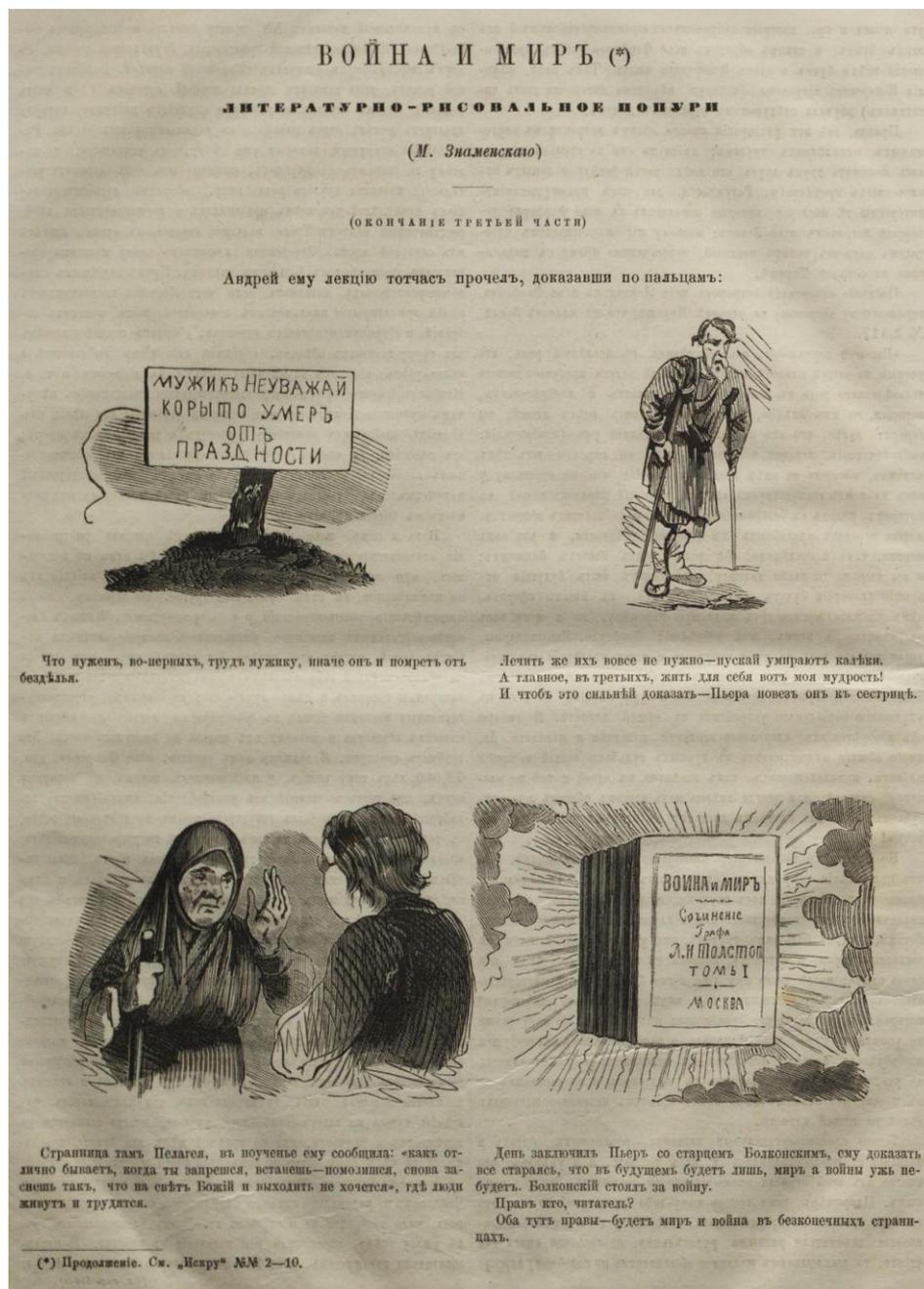
И чтобы это сильнее доказать – Пьера повез он к сестрице.

Страница там Пелагея в поученье ему сообщила: «как отлично бывает, когда ты запрешься, встанешь – помолишься, снова заснешь так, что на свет Божий и выходить не хочется», где люди живут и трудятся.

День заключил Пьер со старцем Болконским, ему доказать все стараясь, что в будущем будет лишь мир, а войны уж не будет. Болконский стоял за войну.

Прав кто, читатель?

Оба тут правы – будет мир и война в бесконечных страницах.

Искра. 1869. № 11. С. 128
Iskra, 1869, no. 11, p. 128

С князем Болконским дуб говорил в том костюме, в каком мать природа его породила:

– «Весна, и любовь, и счастье! И как не надоест вам все один и тот же глупый и бессмысленный обман, все одно и то же, и все обман! Нет ни весны, ни солнца, ни счастья. Вон, смотрите, сидят задавленные мертвые ели, всегда одинокие, вот и я растопырил свои обломанные пальцы, где ни выросли они – из спины, из боков; как выросли, так и стою, и не верю надеждам и обманам».

– «Да, ты прав, тысячу раз прав, дуб», – отвечал князь Андрей, все дым, дым и дым!!

При следующем свидании дуб преображенный млел и колыхался в лучах вечернего солнца, и при его виде на князя Андрея нашло беспричинное, весеннее чувство радости и обновления.

И мы не узнаем прежнего Болконского. Крестьян отпустил он на волю, школы построил, больницы завел. И тут с ним случилось... но после об этом – теперь же вернемся к Ростовым.

Оставивши Марса с Венерой, крылатый божок Купидон, войной уstraшенный, лучшего места, как дома Ростовых себе не нашел; там он за ящиком, местом скорбей поколенья младого, устроил жилище.

Запахло любовью в ростовских хоромы: буфетчик влюбился в кухарку, та в повара Павла, а сей, непреклонный, в Аксютку, Аксютка в лакея, оный же в няньку Матрену, Матрена же в кучера Федьку.

В то время калилась линейка и ставился знак на руке.

Дело дошло до того, что даже «глаза целовались».

В этот-то храм Купидона с делами приехал Болконский. Как ты, читатель? А я так полагаю, он навряд уцелеет.

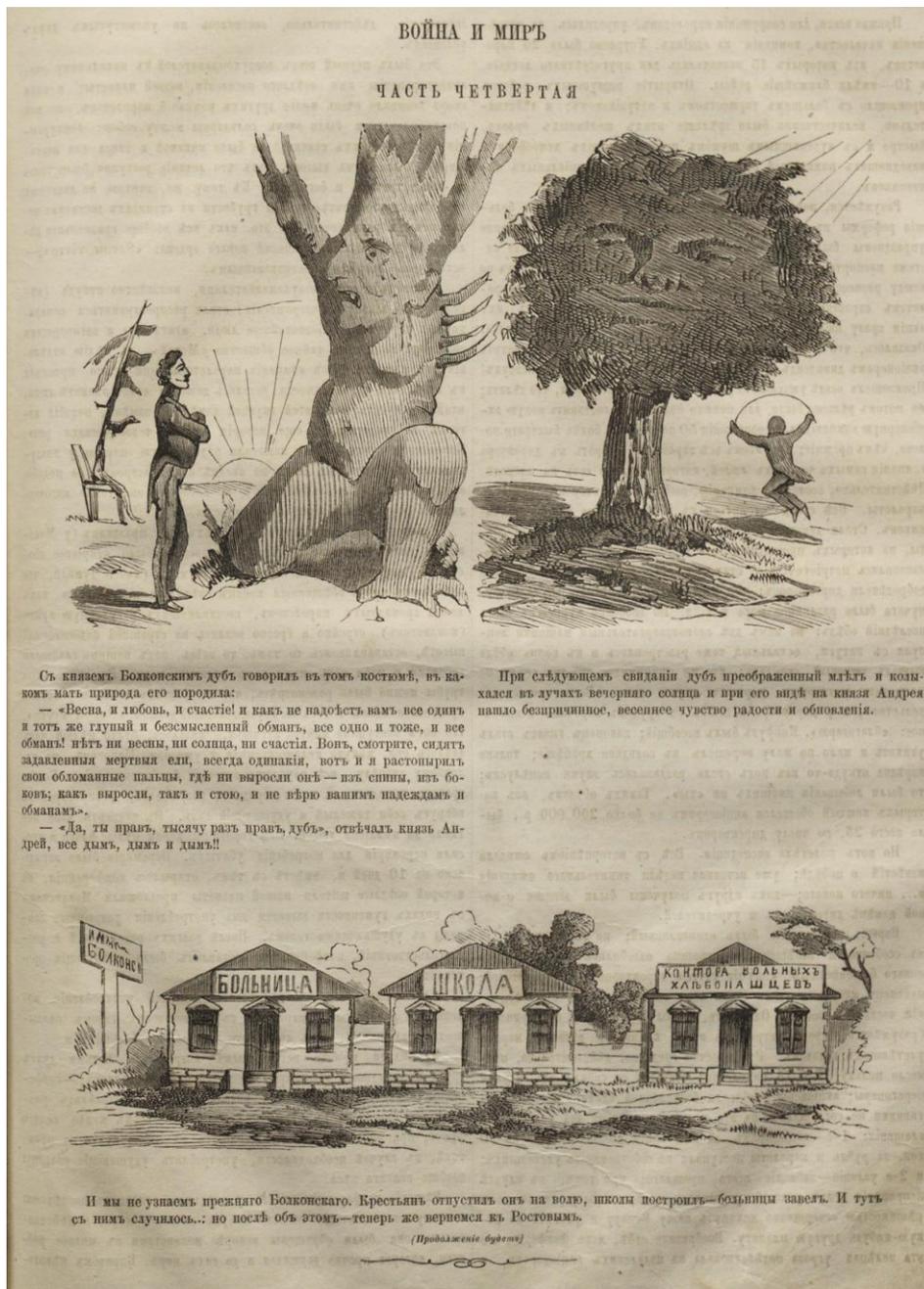
Под дубовым влияньем окончивши труд свой военный, в Питер поехал Андрей, где новая эра свершалась.

«Нашего полку прибыло!» – зашипели старцы, увидев Андрея и зная его по тенденциям, высказанным Пьеру. «Нашего полку прибыло!» – сказали либералы, имея более современные об нем сведения.

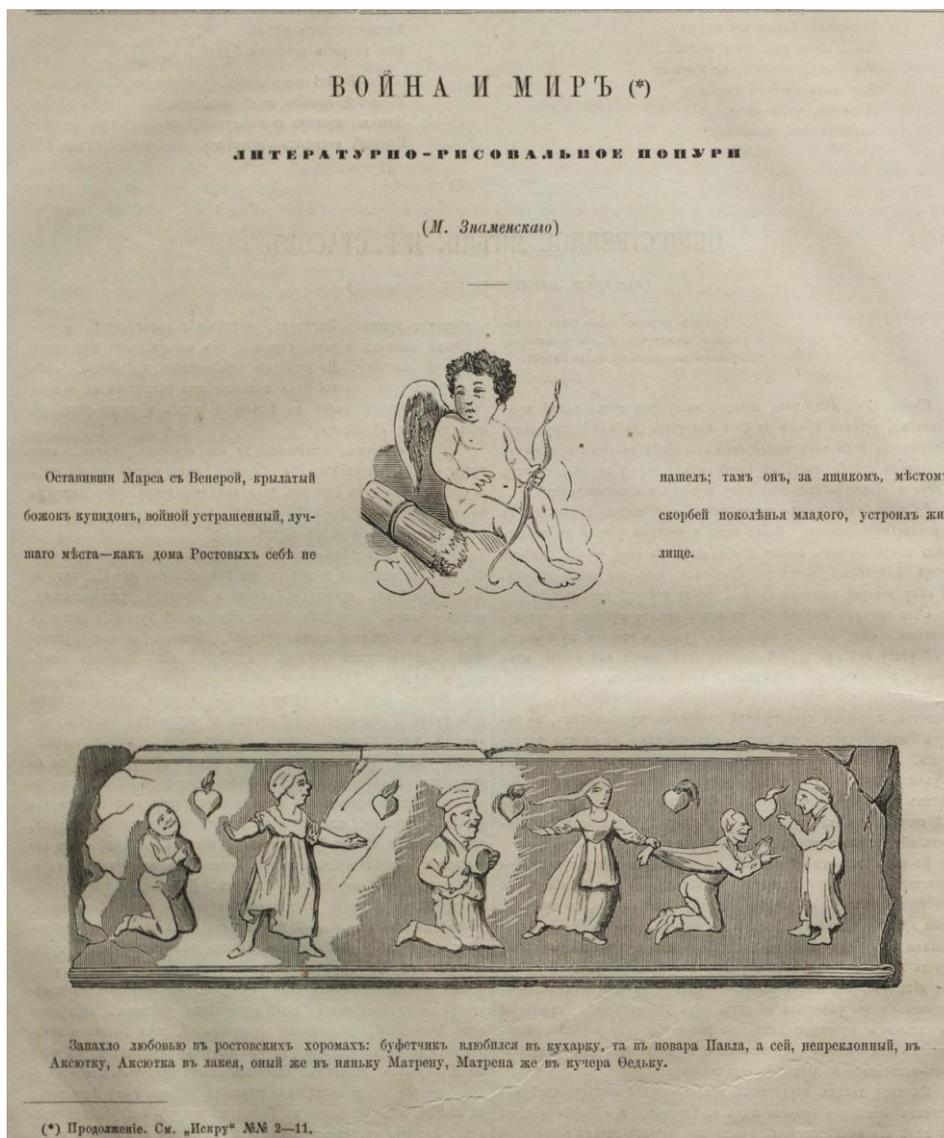
Судьба, всех героев знакомых на бале столкнуть предоставим (это ея уж забота), мы же рассказ свой о князе Андрее продолжить потщимся.

Болконский пошел танцевать там с Натальей Ростовой – «но едва лишь он обнял стан ея гибкий, как вино ея прелестей треснуло по лбу его (67 ст. том 2-й). Каюсь, читатель, сюжет сей курьезный наглядно не мог изложить я, не зная в судах каких вина прелести женской хранятся.

Окончивши танцы, Болконский ворожит: женюсь на Наташе или нет. Но по том загадал он вернее, «если она подойдет к кухне своей, то будет моею женой».

Искра. 1869. № 11. С. 129
Iskra, 1869, no. 11, p. 129

Искра. 1869. № 12. С. 146
Iskra, 1869, no. 12, p. 146

Искра. 1869. № 12. С. 147
Iskra, 1869, no. 12, p. 147

Искра. 1869. № 14. С. 170
Iskra, 1869, no. 14, p. 170

ОНА ПОДОШЛА!

Папаше с мамашей руки на них возложить лишь осталось.
Теперь-то, любя и любимый взаимно, с новыми силами примется крепко за дело Андрей, все мы того ожидали. Но...

- Стой, кто? Куда?
- Болконскій, князь... За границу... На год...
- Как, бросивши дело? Неправда, не он... Разве г. Кельсиев?
- Князь Болконскій... Про-пу-скай!

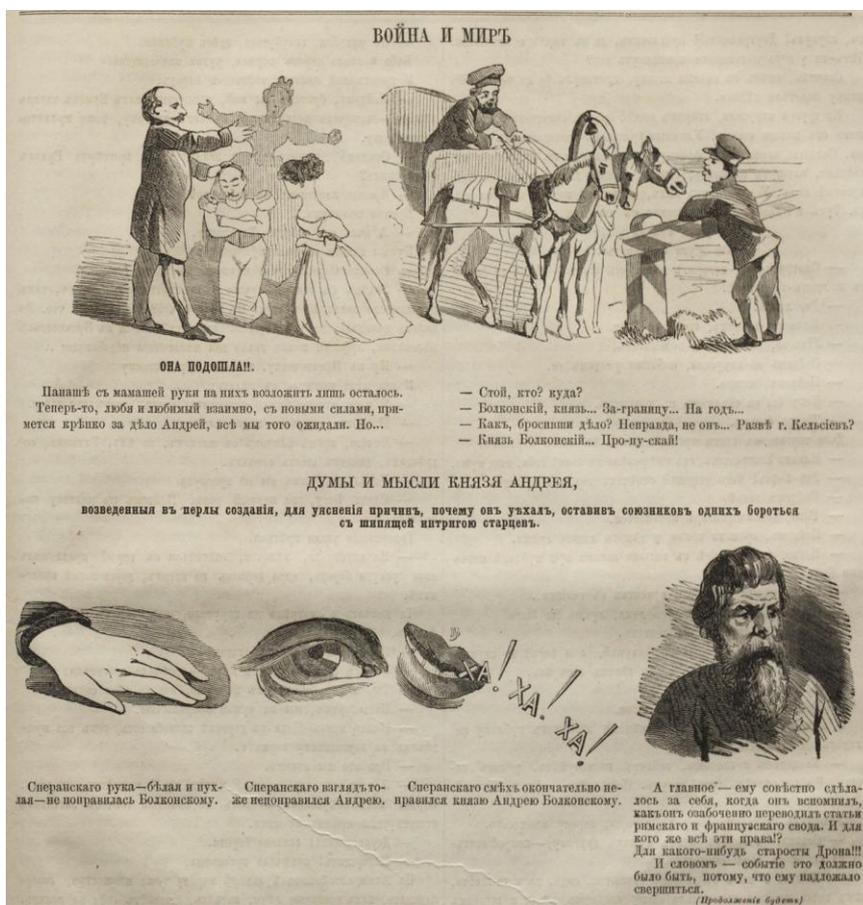
ДУМЫ И МЫСЛИ КНЯЗЯ АНДРЕЯ,
возведенные в перлы сознания, для уяснения причин, почему он уехал, оставив союзников одних бороться с шипящей интригой старцев.

Сперанского рука, белая и пухлая, не понравилась Болконскому.
Сперанского взгляд тоже не понравился Андрею.
Сперанского смех окончательно не понравился князю Андрею Болконскому.

А главное – ему совестно сделалось за себя, когда он вспомнил, как он озабоченно переводил статьи римского и французского свода. И для кого же все эти права?

Для какого-нибудь старосты Дрона!!!

И словом – событие это должно было быть, потому что ему надлежало свершиться.

Искра. 1869. № 14. С. 171
Iskra, 1869, no. 14, p. 171

АТРЫВКИ ИЗ МЕМУАРОВ РЫЖАВО ЛАВРУШКИ

Я так полагаю, «что весь мир разделен на два неравные отдела. Один – наш Павлоградский полк, а другой все остальное». С эфтим и их с-во граф Ростов согласны. А все в мире разделяется на три темпа. Сие последнее они от того говорят, что очень к музыке пристрастны, и когда им в Москве удалось взять втору в терции высокой ноты, то в душе их тронулось что-то лучшее, что только было в душе их, и тут они подумали, что можно зарезать, украсть и все-таки быть счастливым.

Однаке мой барин Денисов поехал насчет провианту переговорить и встретимши там чиновника провиантского, и там сейчас же «как ты нас с голоду моришь?! А, распротакой, сякой», и начал катать. Тогда их отдали под суд, и они сделались чрез энто самое несчастными. А я перешел служить к графу Ростову.

У родителей ихних имущество порасстроилось, и потому самое нас выписали, дабы мы оно дело их поправили. И мы это сейчас, по-гусарски – управителя ихнего Митеньку перво дело за шиворот. «Разбойник! Неблагодарная тварь!.. Изрублю собаку... обворовал...» и ловким, значит, манером киселя коленкой поддали.

Теперича будем так рассуждать... Старинное предание говорит... А если я пьян и примусь господам услужать, то окромя, значит, того... што все приломаю... значит, ничего не делаю и пользу приношу... значит, я нашел одну сторону первобытного блаженства... Однаке черти больно отпорили – волк их ешь.

А у родителей ихних барышня жила, Софьей звать, и на святках гусаром нарядилась, и так это прелестно вышло, что граф их поцеловал и жениться на них обещался.

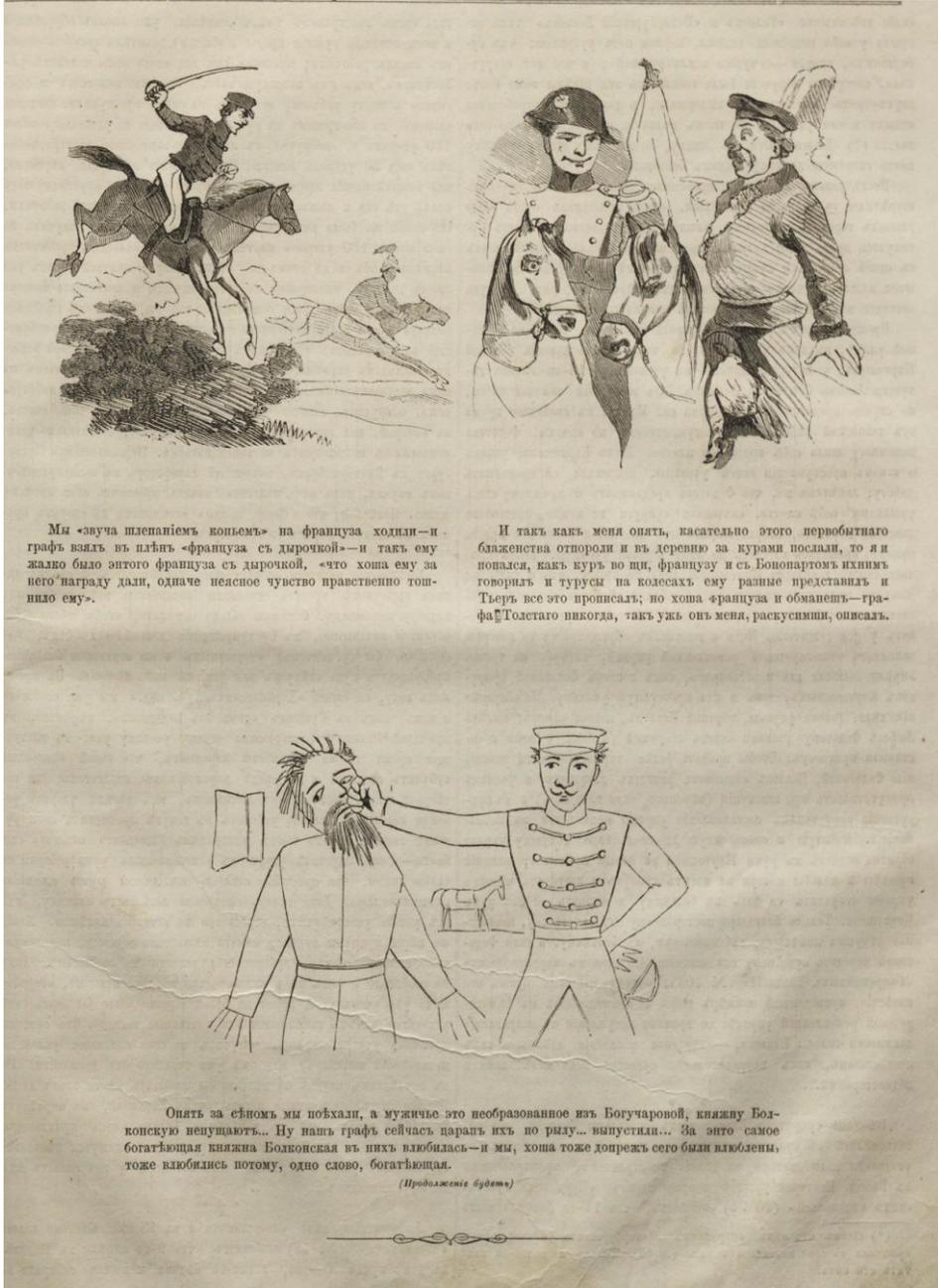
Мы «звуча шлепаньем копьем» на француза ходили – и граф взял в плен «француза с дырочкой» – и так ему жалко было энтого француза с дырочкой, «что хошь ему за него награду дали, однаке неясное чувство нравственно тошнило ему».

И так как меня опять касательно этого первобытного блаженства отпорили и в деревню за курами послали, то я и попался, как кур во щи, французу и с Бонапартом ихним говорил, И турусы на колесах ему разные представил, и Тьер все это прописал; но хоша француза и обманешь – графа Толстого никогда, так уж он меня, раскусимши, описал.

Опять за сеном мы поехали, а мужичье это необразованное из Богучаровой княжну Болконскую не пушают... Ну наш граф сейчас царап их по рылу... выпустили... За энто самое богатющая княжна Болконская в них влюбилась – и мы, хоша тоже допрежь сего были влюблены.

Искра. 1869. № 15. С. 182
 Iskra, 1869, no. 15, p. 182

Искра. 1869. № 15. С. 183
Iskra, 1869, no. 15, p. 183

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2

ПИСЬМО СОНЕЧКИ БОЛТУХИНОЙ,
ВОСПИТАНИЦЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЖЕНСКОГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕ-
НИЯ, КОНФИСКОВАННОЕ НАЧАЛЬНИЦЕЙ ОНОГО – ПО СЛУЧАЮ
БЕЗНРАВСТВЕННОГО УПОМИНАНИЯ В НЕМ О ПАНТАЛОНАХ

11-го июня 18... года. Г. Зашиверск

Душка Филочка!

Ты не можешь представить себе, какая у нас была божественная погода. «В ярких лучах солнца, в запыленных листьях деревьев, в ярких летних платьях и в белых панталонах – было то летнее томление – которое особенно резко чувствуется в ясный жаркий день в городе!!»

В такое-то благодатное время жители нашего города (числом '11 душ), спасаясь от летнего томления, сняли белые брюки и летние платья и целые дни проводили под сенью струй. И в таком положении застал нас приход почты.

Вообрази! Прислали божественное творение графа Толстого, из-за которого была у нас совершенная война – причем один из наших учителей вследствие контузии пролежал целую ночь в канаве.

NB. И ничего тут удивительного нет; удаленные от центра просвещения на 9349 верст, мы, естественно, поотстали лет на 60, и сочинение, описывающее начало нынешнего века, должно иметь для нас интерес современности. – *Замеч. гувернантки, конфисковавшей это безнравственное письмо.*

Не будь здесь душки Анатоля Шарыгина, мне долго бы не привелось прочесть это бессмертное творение, но он храбро отбил две части – и я спешу поделиться с тобой своим восторгом. Ни один из романов Поль де Кока не производил на меня такого глубокого впечатления, как «Война и Мир». Как отлично автор изучил женское сердце! Какая прелесть и душка Наташа Ростова! Ах! Как я горько плакала, когда высватал ее Болконский и уехал за границу на год – вообрази – на год!!! Не варварство ли? Но нет, я тебе немного выпишу.

«Ей жалко было самое себя, жалко было, что она так, *даром, ни для кого*, пропадала все это время, в продолжение которого она чувствовала себя столь способной любить и быть любимой».

Читая эти строки, я просто рыдала.

– «Что тебе надо? – сказала ей мать.

– Его мне надо... сейчас, сию минуту мне надо, мама, мне его надо. За что я так пропадаю, мама? Ах, куда бы мне деваться? Что бы мне с собой сделать?»

Далее я не могла читать и не помню, что со мною было.

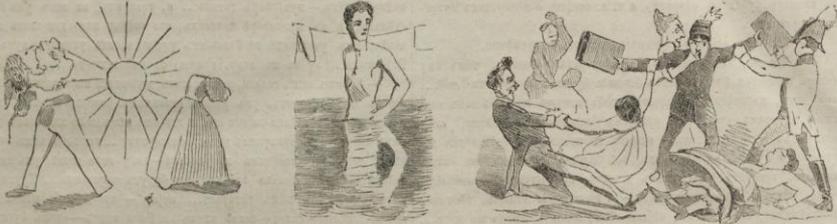
После мне рассказывали, что я бросилась на вошедшую гувернантку, вскочила ей на спину и вскричала: «Петька, вези меня». А затем со мной сделалась истерика.

После приема лекарства я чувствую себя лучше.

НВ. Глауберовой соли три столовые ложки на стакан воды – самое верное и испытанное мною средство в подобных случаях. – *Замечание гувернантки, конфисковавшей это безнравственное письмо.*

ВОЙНА И МИРЪ (*)
ЛИТЕРАТУРНО-РИСОВАЛЬНОЕ ПОУЧЕНІЕ
(М. Знаменскою)

ПИСЬМО СОННИЧКИ БОЛУХИНОЙ, ВОСПИТАНИЦЫ ПРОВИНЦІАЛЬНАГО ЖЕНСКАГО УЧЕБНАГО ЗАВЕДЕНІА, КОНФИСКОВАННОЕ НАЧАЛЬНИЦЕЙ ОНАГО—
ПО СЛУЧАЮ БЕЗНАВСТЕННАГО УПОМИНАНІА ВЪ НЕМЪ О ПАНТАЛОНАХЪ.

11-го іюня 18. года. Г. Зашиверскъ.
Душка Филочка!
Ты не можешь представить себѣ, какая у насъ была божественная погода. «Въ яркихъ лучахъ солнца, въ запыленныхъ листьяхъ деревьевъ, въ яркихъ лѣтнихъ платьяхъ и въ бѣлыхъ панталонахъ— было то лѣтнее томленіе — которое особенно резко чувствуется въ ясный жаркій день въ городѣ!»

Въ такое то благодатное время — жители нашего города (числомъ 11 душъ), спасаясь отъ лѣтняго томленія, сшили бѣлые брюки и свѣтлые платья и вѣсье дни проводили подъ свѣтло струей. И въ такую пологоню застала насъ приходъ почты.

Вообрази! Прислали божественное твореніе графа Толстого, изъ-за котораго была у насъ совершенная война — при чемъ одинъ изъ нашихъ учителей, въ свѣдѣніе контузіи пролежалъ цѣлую ночь въ канавѣ.

НВ. И ничего тутъ удивительнаго нѣтъ; удаленные отъ центра просвѣщенія на 9349 верстъ— мы естественно поостали лѣтъ на 60, и сочиненіе, описывающее начало пятнадцатаго вѣка, должно имѣть для насъ интересъ современности.— *Заметь, гувернантки, конфисковавшей это безнравственное письмо.*

Не будь здѣсь души Анастолы Шаргина, мнѣ долго бы не привелось прочесть это божественное твореніе, но отъ храброго отбѣга дѣйствія— и'а силую подѣлаться съ тобой своимъ восторгомъ. Ни одинъ изъ романовъ. Подъ де Кова не проводила на меня такого глубокаго впечатлѣнія, какъ «Война и Миръ». Какъ отлично авторъ изучилъ женское сердце! Какая прелесть, и душа Наташа Ростова! Ахъ, какъ я горько плакала — когда вспоминала ее. Болховской и ухаживала за границу на годъ— вообрази—на годъ!!! не нарварство ли? Но нѣтъ, я тебѣ немного вышину.

«Ей жалко было самое себя, жалко было, что она такъ, *одроме, ни для кого, пронадала все это время, впродолженіи котораго она чувствовала себя столь способной любить и быть любимой.* Читая эти строки я просто рыдала.

— «Что тебѣ надо? сказала ей мать.

— Его мнѣ надо... сейчасъ, сію минуту мнѣ надо, мама, мнѣ его надо. За что я такъ прощала, мама? Ахъ, куда бы мнѣ дѣваться? чтобы мнѣ съ собой сдѣлать?»

Дать я не могла читать и не помню, что со мною было.

Послѣ мнѣ рассказывали, что я бросилась на вондешую гувернантку, вскопча ей на спину и вскричала: «Петька, вези меня». А затѣмъ со мной сдѣлалась истерика.

Послѣ приѣма лекарства я чувствую себя лучше.

НВ. Глауберовой соли три столовые ложки на стаканъ воды—самое вѣрное и испытанное мною средство въ подобныхъ случаяхъ.—*Замечаніе гувернантки, конфисковавшей это безнравственное письмо.*

(*) Продолженіе. См. «Искра» №№ 2—12 и 14—15.

Искра. 1869. № 17. С. 202
Iskra, 1869, no. 17, p. 202

Только ужасно нервы расстроены, меня раздражает все: и что корова наша так громко целый день мычит, и что по этому случаю гувернантка шепчется с кухаркой – приказывая ей достать что-то беспременно.

NB. Эти девчонки вечно недослышат и переверт. Ничего я достать не приказывала, а велела дать больной нашей корове двойной прием глауберовой соли. – *Замеч. гувернантки, конфисковавшей это безнравственное письмо.*

NB NB. Удивляюсь! – *Замеч. ветеринара*

В Москве, куда повезли ее, в опере она познакомилась с прекрасной Еленой Безуховой. Голая Элен, так описывает автор, сидела подле нее и всем улыбалась, и точно так же улыбалась Наташа.

Улыбалась и с ужасом чувствовала, что между ей и братом Елены, красавцем Анатодем Куракиным, под влиянием магнетизма его пучеглазых глаз, «нет никакой преграды». Так что, выходя из оперы, он мог пожать ей руку выше локтя – а в следующее свидание и поцеловать ее.

NB. Чернявский-то, Чернявский что же смотрел? Ну да и Незнакомец-то с Загуляевым тоже хороши!! Взялись блюсти нравственность – так блюди. – *Замеч. гувернантки, конфисковавшей это безнравственное письмо.*

Что ж ей оставалось делать? Бросить жребий – она так и сделала. Ах, думала она, как было бы хорошо обоим, ах, если бы нос Болконского да к фигуре Анатоля или... Ах, я сама не знаю, который лучше. «Что же мне делать, когда я люблю его и люблю другого?» Оба! Оба вынулись. Ах! Как страшно... Убегу... убегу. Впрочем, это, кажется, у Гоголя кто-то так говорил. Я хотела еще раз прочесть это место, но наш Аттил в юбке отняла у меня книгу и сожгла – начитаетесь, говорит, всякого вздору, а я трагься на лекарства. Такая досада.

NB. Гадать грех. – *Замеч. учителя нравств. философии*

Но убежать ей помешали.

Потом Наташа лежала на диване и не шевелилась.

Потом она лежала на диване и хворала.

Потом Наташа приняла яду и окончательно сделалась больна.

Однако же она осталась жива; все это устроено было судьбой, как я догадываюсь, для того, чтобы доставить случай madame Schoff приобрести большую коллекцию баночек и коробочек от пилюль и порошков – так как она была большая охотница до этих вещи.

NB. Еретикам всегда счастье. *Замеч. зашиверского старца.*

Граф Ростов имел полное право воскликнуть

Что за комиссия, Создатель,

Быть взрослой дочери отцом.

НВ. Это из Грибоедова, последнего из допускаемых мною на лекции русских писателей. *Замеч. учителя словесности.*

Окончание письма затеряно.

Узнав из вышеприведенного письма о Наташиной истории, князь Андрей отправился в Петербург – но Анатолию заблагорассудилось убраться в Молдавскую армию.

Искра. 1869. № 17. С. 203
Iskra, 1869, no. 17, p. 203

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетография. 2021. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 2

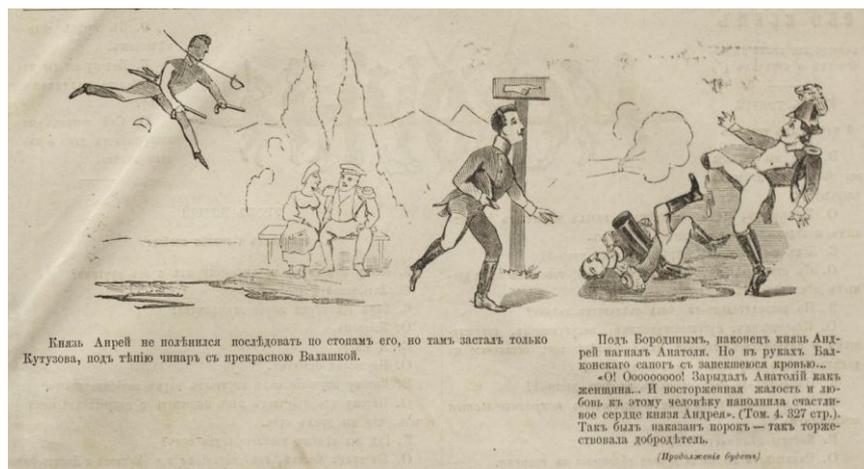

Искра. 1869. № 18. С. 214
Iskra, 1869, no. 18, p. 214

Князь Андрей не поленился последовать по стопам его, но там застал только Кутузова под тенью чинар с прекрасною Валашкой.

Под Бородиным, наконец, князь Андрей нагнал Анатоля. Но в руках Болконского сапог с запекшеюся кровью...

«О!Ооооооо! Зарыдал Анатолий как женщина... И восторженная жалость и любовь к этому человеку наполнила счастливое сердце князя Андрея (Том. 4 327 стр.). Так был наказан порок – так торжествовала добродетель.

Искра. 1869. № 18. С. 215
Iskra, 1869, no. 18, p. 215

Литературно-рисовальное попури так и не было завершено в связи с приостановкой «Искры». Возобновление издания в 1870 г. оказалось возможным при условии отказа его издателя от иллюстраций.

Список литературы

Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957. 916 с.

Дубин Б. В. Классика, после и рядом. Социологические очерки о литературе и культуре. М., 2010. 345 с.

Зайденинур Э. Е. «Война и мир» Л. Н. Толстого. Создание великой книги. М., 1966. 404 с.

Зорин А. Л. Жизнь Льва Толстого. Опыт прочтения. М., 2019. 248 с.

Зубков К. Ю. Слова-сигналы нигилизма и «Обрыв» И. А. Гончарова // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 25–39. DOI 10.25205/2307-1737-2018-2-25-39

Козлов А. Е. «Пасквиль на литературу»: журналы «Всемирный труд» и «Заря» в оценках сатирического еженедельника «Искра» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020, Т. 19, № 6: Журналистика. С. 9–20. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-9-20

Печерская Т. И. Пересказ сюжета как способ его присвоения (полемика вокруг романа И. С. Тургенева «Отцы и дети») // Сюжетология и сюжетология. 2015. № 1. С. 83–93.

Румянцева В. Н. Стихотворный фельетон середины XIX века: Н. А. Некрасов, В. С. Курочкин, Д. Д. Минаев: Дис. ... канд. филол. наук. Оренбург, 2007. 234 с.

Силантьев И. В. Газета и роман: риторика дискурсных смещений. М.: Языки славянских культур, 2006. 222 с.

Сорочан А. Ю. Лев Толстой – читатель исторической беллетристики // Вестник Твер. гос. ун-та. Серия «Филология». 2013. № 6. С. 53–59.

Соболев Л. И. Современники читают «Войну и мир» // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 179–224.

Тарасов Л. В. Адриан Волков. М.: Искусство, 1955. 31 с.

Шкловский В. Б. Материал и стиль «Войны и мира». М., 1928. 249 с.

Целикова Е. В. Феномен пародийной личности А. А. Фета в творчестве поэтов «Искры» // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2007. № 11 (32). С. 234–237.

Чумаков Ю. Н. «Евгений Онегин» и стихотворная беллетристика 1830-х годов // Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999. С. 97–107.

Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: Исследования. Статьи. СПб., 2009. 952 с.

Ямпольский И. Г. «Война и мир» Л. Толстого в пародиях и карикатурах. Эпизод из борьбы разночинцев с Л. Толстым // Звезда. 1928. № 9. С. 93–113.

Ямпольский И. Г. Сатирическая журналистика 1860-х годов. М.: Худож. лит., 1964. 624 с.

Altick R. Punch: The Lively Youth of a British Institution, 1841–1851. Ohio State Uni. Press, 1997. 776 p.

Vasilenko A. G. Parody and Caricature in the Satirical Weeklies: Conventions of Perception and Conflict of Interpretations. In: SHS Web of Conferences (EDP Sciences, France). 2021. Vol. 94. P. 1–5. DOI 10.1051/shsconf/20219402001

Wachtel A. B. An Obsession with History: Russian Writers Confront the Past. Stanford, CA: Stanford Uni. Press, 1994. 276 p.

References

Altick R. Punch: The Lively Youth of a British Institution, 1841–1851. Ohio State Uni. Press, 1997, 776 p.

Chumakov Yu. N. “Evgeny Onegin” i stikhotvornaya belletristika 1830-kh godov [“Eugene Onegin” and poetic fiction of the 1830s]. In: Chumakov Yu. N. Stikhotvornaya Poetika Pushkina [Poetics of Pushkin]. St. Petersburg, 1999, pp. 97–107. (in Russ.)

Dubin B. V. Klassika, posle i ryadom. Sociologicheskie ocherki o literature i kul'ture [Sociological essays on literature and culture]. Moscow, 2010, 345 p. (in Russ.)

Eikhenbaum B. M. Lev Tolstoi: Issledovaniya [Researches about Leo Tolstoy]. St. Petersburg, 2009, 952 p. (in Russ.)

Gusev N. N. Lev Nikolaevich Tolstoj: Materialy k biografii s 1855 po 1869 god [Leo Tolstoy: Materials for a biography from 1855 to 1869]. Moscow, 1957, 916 p. (in Russ.)

Kozlov A. E. “Libel of Literature”: “The World Labor” and “Day Spring” in the Estimates of the Satirical Weekly Magazine “Iskra”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 6: Journalism, pp. 9–20. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-9-20

Pecherskaya T. I. Pereskaz syuzheta kak sposob ego prisvoeniya (polemika vokrug romana I. S. Turgeneva “Otsy i deti”) [Retelling of Story as Method of His Attribution]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Studies in Theory of Literary Plot and Narratology], 2015, no. 1, pp. 83–93. (in Russ.)

Rumyantseva V. N. Stikhotvornyj fel'eton serediny XIX veka: N. A. Nekrasov, V. S. Kurochkin, D. D. Minaev [Poetry Felletton of middle of 19th century: N. A. Nekrasov, V. S. Kurochkin, D. D. Minaev]. Orenburg, 2007, 234 p. (in Russ.)

Shklovsky V. B. Material i stil' “Vojny i mira” [Material and style of “War and Peace”]. Moscow, 1928, 249 p. (in Russ.)

Silantev I. V. Gazeta i roman: ritorika diskursnykh smeshchenij [Newspaper and Novel: Rhetoric of Discourse Mixture]. Moscow, 2006, 222 p. (in Russ.)

Sobolev L. I. Sovremenniki chitayut “Vojnu i mir” [Contemporaries read “War and Peace”]. *Voprosy literatury*, 2007, no. 6, pp. 179–224. (in Russ.)

Sorochan A. Yu. Lev Tolstoj – chitatel' istoricheskoy belletristiki [Leo Tolstoy as a reader of historical fiction]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Filologija”* [Bulletin of Tver State University. Series “Philology”], 2013, no. 6, pp. 53–59. (in Russ.)

Tarasov L.V. Adrian Volkov. Moscow, 1955, 31 p. (in Russ.)

Tselikova E. V. Fenomen parodiynoj lichnosti A. A. Feta v tvorchestve poetov “Iskry” [Phenomenon of the Parody Character of A. Fet in works of “Iskra” poets]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2007, vol. 11 (32), pp. 234–237. (in Russ.)

Vasilenko A. G. Parody and Caricature in the Satirical Weeklies: Conventions of Perception and Conflict of Interpretations. In: SHS Web of Conferences (EDP Sciences, France), 2021, vol. 94. DOI 10.1051/shsconf/20219402001

Wachtel A. B. An Obsession with History: Russian Writers Confront the Past. Stanford, CA, Stanford Uni. Press, 1994, 276 p.

Yampolsky I. Satiricheskaya zhurnalistika 1860-kh godov [Satirical Journalism of 1860s]. Moscow, 1964, 624 p. (in Russ.)

Yampolsky I. G. “Vojna i mir” L. Tolstogo v parodiyakh i karikaturakh [“War and Peace” by Leo Tolstoy in parodies and cartoons]. *Zvezda*, 1928, no. 9, p. 93–113. (in Russ.)

Zajdenshnur E. E. “Vojna i mir” L. N. Tolstogo. Sozdanie velikoj knigi [“War and Peace” by Leo Tolstoy. Creation a great book]. Moscow, 1966, 404 p. (in Russ.)

Zorin A. L. Zhizn' L'va Tolstogo. Opyt prochteniya [The life of Leo Tolstoy. Reading experience]. Moscow, 2019, 248 p. (in Russ.)

Zubkov K. Yu. “Words-signals” of Nihilism and “The Precipice” by I. A. Goncharov. *Critique and Semiotics*, 2018, no. 2, pp. 25–39. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2018-2-25-39

Информация об авторе

Алексей Евгеньевич Козлов, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Alexey E. Kozlov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor